26798
Д. Е.
БИБЛІОТЕКА
Ученаго Комитета Мин. Фин.

СТЕПНОЕ ПРАВО

31729.

и

ИМПЕРСКІЙ ЗАКОНЪ.

Перепечатано изъ газеты «Сиб. Жизнь»
за 1908—1909 г.

ТОМСКЪ.
Типо-Литографія Сибирскаго Т-ва печат. дѣла.
1909.

16718
Д. Е.
БИБЛІОТЕКА * Ученаго Комитета Мин. Фин. *

СТЕПНОЕ ПРАВО

31/729.

и

ИМПЕРСКІЙ ЗАКОНЪ.

Перепечатано изъ газеты «Сиб. Жизнь»
за 1908—1909 г.

ТОМСКЪ.
Типо-Литографія Сибирскаго Т-ва печат. дѣла.
1909.

Библиотека НКФ СССР

Степное право и имперскій законъ.

I.

«Журналомъ Министерства Юстиціи» оказано вниманіе *степному праву*: въ декабрьской книжкѣ этого журнала за прошлый годъ помѣщена статья А. Зуева—*Киргизскій народный судъ*. Обыкновенно, статьи о правѣ нашихъ инородцевъ находятъ себѣ мѣсто въ разныхъ изданіяхъ по археологіи и этнографіи. Отъ такого отношенія юридической прессы къ степнымъ обычаямъ и законамъ страдаютъ не только интересы инородцевъ, правовыя нужды которыхъ не находятъ себѣ авторитетнаго выясненія и освѣщенія, но и интересы русскаго государства, которое не можетъ относиться безразлично къ такимъ явленіямъ, какъ насажденіе и укрѣпленіе въ той или иной мѣстности началъ, чуждыхъ европейской культурѣ, или обособляющихъ эти мѣстности отъ общенаціональной политической жизни страны.

Впрочемъ, такимъ вниманіемъ юридической мысли къ народнымъ судамъ Туркестана и Степныхъ областей мы обязаны, кажется, тому обстоятельству, что здѣсь прокурорскому надзору предоставлено право протеста на приговоры и рѣшенія народнаго суда, постановленные съ превышеніемъ власти или по дѣламъ неподсуднымъ. Этому обстоятельству мы обязаны дѣльной статьей С. Н. Трегубова: „Прокурорскій надзоръ въ народномъ судѣ Туркестана“ *).

Степные народы Сибири не привлекаютъ вниманія юридической мысли къ своимъ судамъ. Крестьянскіе начальники, которымъ ввѣренъ надзоръ за юридическимъ управленіемъ и разрѣшеніе въ качествѣ третьей степени словесной расправы судебныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ родовымъ управленіямъ, не подѣлились посредствомъ печати своимъ опытомъ и знаніемъ въ области народныхъ судовъ сибирскихъ инородцевъ.

---

*) Журналъ Мин. Юстиціи 1903 г. №№ 7, 8 и 10. Отмѣтимъ статью того же С. Н. Трегубова: «Исключительная подсудность туземцевъ при дѣйствіи новаго Уголовнаго Уложенія». 1904 г. № 9.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что та правовая пестрота, которая нынѣ бросается въ глаза при первомъ же знакомствѣ съ инородческими судами и управленіемъ, во многихъ случаяхъ совершенно не имѣетъ оправданія въ интересахъ инородческихъ массъ и не вызвана нуждами управленія. Конечно, теперь, когда для большаго круга дѣлъ создана законодательная Государственная Дума, обособленная отъ административной власти,—теперь можно ожидать большей согласованности нашего законодательства въ различныхъ его частяхъ и съ обычнымъ правомъ различныхъ мѣстностей.

II.

Любопытную эволюцію претерпѣлъ *киргизскій народный судъ* подъ русской властью. Начать съ того, что послѣ почти 200-лѣтняго подданства киргизовъ Россіи г. Л. Зуевъ отмѣчаетъ, что объ этомъ судѣ въ настоящее время не можетъ быть двухъ мнѣній: «Это возмутительный палеонтологическій остатокъ, вредный пережитокъ варварской эпохи, не имѣющій ничего общаго ни съ правосознаніемъ народа, ни съ нашими собственными

интересами на далекой окраинѣ; въ концѣ концовъ это просто партійная киргизская расправа, въ которой сильнѣйшій, на глазахъ у всѣхъ и подъ защитою власти, душитъ слабѣйшаго...» Мысли и чаянія современнаго киргиза обращаются къ далекому прошлому; его мечты питаются преданіями о томъ времени, когда «судъ былъ простъ, совершался гласно, предъ всѣми и устно безъ всякихъ формъ и проволочекъ». «Писаныхъ законовъ тогда не существовало; народъ судился по *адату*, т. е. стародавнимъ обычаямъ, хранителемъ, истолкователемъ и примѣнителемъ которыхъ было одно и то-же лицо—*бій*, судья, свободно принятый народомъ изъ среды мудрѣйшихъ и достойнѣйшихъ. Народныя преданія не знаютъ ошибокъ такого судьи, изъ потемокъ далекихъ временъ ярко свѣтитъ киргизу образъ этого бія, строгаго и неподкупнаго, мудраго и участливаго, знакомаго со всей подноготной жизни каждаго изъ членовъ его группы».

Вотъ какую идиллію прошлаго киргизскаго народнаго суда рисуетъ г. А. Зуевъ!

Далѣе еще лучше: «Система личныхъ наказаній въ судѣ біевъ была построена, главнымъ образомъ, не на

гомъ, чтобы причинить судившемуся мученія, а на посрамленіи его передъ народомъ»

Правда, такія преданія совершенно не согласны съ дѣйствительной исторіей; но, видно, ужъ очень не приглядна дѣйствительность современной правовой жизни туземцевъ Туркестанскаго края и степныхъ областей, что не только киргизы, но и А. Зуевъ относится съ видимымъ сочувствіемъ къ тому далекому прошлому, когда не было русской власти, когда въ Средне-азіатскихъ степяхъ *баранта* являлась важнѣйшимъ средствомъ возстановленія нарушеннаго права и защиты попранной справедливости. Впрочемъ А. Зуевъ отодвигаетъ изображаемый имъ судъ къ тому времени, когда еще не было господства Чингисхана; владычство-же «великолѣпной жемчужины востока» великаго Чингисхана выгодно выдѣляется въ исторіи киргизовъ сравнительно съ позднѣйшими владыками киргизскихъ статей.

И мы, русскіе, можно сказать, европейцы, должны считать себя посрамленными, если Чингисханъ, съ его *Великой Ясой*, *ясакомъ*, *ямы нями*, *съ его богадурами*, отмѣчается, какъ явленіе свѣтлое въ народной жизни

сравнительно со строемъ, развившимся подъ охраной нашихъ законовъ, подъ управленіемъ представителей русской имперской власти.

III.

На историческихъ фантазіяхъ А. Зуева о существѣ золотого вѣка киргизскаго народнаго суда не стоитъ останавливаться. Если же обратиться къ исторіи, то оказывается, что золотой вѣкъ, о которомъ вспоминаютъ со вздохомъ киргизы, есть господство знаменитаго Хана Тявки, жившаго въ половинѣ XVII и началѣ XVШ вѣка.

Не должна бы добромъ быть помянутой дѣятельность Чингисхана въ исторіи киргизовъ: это онъ разрушилъ царство киргизовъ (хакасовъ) *). Хану же Тявкѣ приписывается приведеніе въ систему киргизскихъ народныхъ юридическихъ обычаевъ **). Эти то

*) *В. Радловъ*: Этнографическій обзоръ тюркскихъ племенъ южной Сибири и Джунгаріи. Томскъ 1888. *Обозрѣніе главныхъ основъ мѣстн. управленія Сиб. Спб.* 1841. стр. 67.

**) *А. И. Добромысловъ*: Судъ у Киргизъ Тургайской области въ XVШ и XIX вѣкѣ. Казань 1904 г. Стр. 3 *Киргизъ-Кайсаки Большой Средней и Малой Орды.* Сиб. Вѣстн. Григ. Спаскаго. 1820 г. *Я. И. Гурляндъ*: Степное законод. съ древн. врем. по 17 столѣтіе. Казань. 1904 г. стр. 108.

обычаи золотого вѣка правовой жизни киргизовъ представляютъ для насъ особый интересъ, потому что господство этихъ обычаевъ совпадаетъ со временемъ подданства киргизовъ Россіи, ибо киргизы Малой и Средней орды приняли русское подданство въ 1732 году. «За кровь мстить кровью, за увѣчье такимъ же увѣчьемъ. За воровство, грабежъ, насиліе, прелюбодѣяніе казнить смертью». «Богохульника, изобличеннаго семью свидѣтелями, должны убивать камнями. Ежели *кто приметъ христіанскую вѣру*, у того родственники отнимаютъ все его имѣніе. Надъ рабами владѣльцы имѣютъ неограниченное право жизни и смерти. Жалоба раба на господина нигдѣ не принимается. Сына, осмѣлившагося злословить или бить отца или мать свою, сажаютъ на черную корову, лицомъ къ хвосту, съ повязанным на шею старымъ войлокомъ; корову сію водятъ вокругъ ауловъ и сидящаго на ней бьютъ плетью, а дочь связывается и передается матери для наказанія по ея произволу». Пожалуй, довольно фрагментовъ изъ уложенія степного Ликурга—Хана Тявки, чтобы можно было правильно судить о той степной дѣйствительности, которая современному киргизу

рисуется въ чертахъ чарующей идиллiи степного мирнаго уклада! Но чтобы картина степной жизни эпохи проникновенiя русскихъ въ Среднюю Азiю была рельефнѣе, не достаточно ограничиться классическимъ матерiальнымъ киргизскимъ правомъ. Процессуальное право Хана Тявки находится въ полномъ соотвѣтствiи съ матерiальнымъ.

«Женскiй полъ, равно какъ работники, слуги и рабы къ свидѣтельству не допускаются. Судьямъ и посредникамъ за рѣшенiе дѣла положено давать десятую часть всего иска. Если осужденный не исполняетъ приговора суда, или начальникъ аула умышленно уклоняется отъ разбирательства дѣла и тѣмъ покровительствуетъ преступнику, то истецъ получаетъ право, съ позволенiя своего старѣйшины, произвести баранту, т. е. съ родственниками или ближайшими своими сосѣдями ѣхать въ аулъ отвѣтчика и тайно отогнать къ себѣ скотъ его, но, возвращаясь домой, долженъ объявить о томъ своему начальнику, который наблюдаетъ, чтобы количество возмездiя соразмѣрно было иску».

Хранителями и истолкователями такихъ законовъ были *би*; само собой разумѣется, что въ степяхъ не суще-

ствовало раздѣленія функцій судебной и административной власти; *біи*—управители вродѣ древне-русскихъ *тіуновъ*, ханскіе приказчики начальника ауловъ, родоначальника.

И вотъ послѣ 200-лѣтняго подданства европейской державѣ киргизы вздыхаютъ о минувшемъ золотомъ вѣкѣ, когда законы Хана Тявки, какъ народная мудрость, хранились въ устной передачѣ мудрыми біями и ими примѣнялись за десятую часть иска...

IV.

Въ началѣ XVIII вѣка была учреждена *Сибирская линія* для огражденія Сибири отъ вторженія калмыковъ и киргизовъ. Къ концу XVIII съ начала XIX вѣка Сибирь совершенно не нуждалась въ оборонѣ отъ степняковъ *).

22 іюля 1822 года былъ изданъ *уставъ о сибирскихъ киргизахъ*, къ которымъ отнесены киргизъ-кайсаки *Средней орды*. Они отнесены были къ сословію *кочевыхъ инородцевъ*, и къ нимъ должны были въ точности примѣняться статьи устава объ управленіи инородцевъ, между

*) *Обозр. Главн. осн. мѣстн. управл. Сиб.* СПБ. 1841 г. стр. 69—72.

прочимъ, и глава *о законахъ и обычаяхъ* (§ 1 уст. о сиб. кирг.). Уставъ же объ управленіи инородцевъ возлагалъ на мѣстныя начальства обязанность собрать полныя и подробныя свѣдѣнія о законахъ инородцевъ, разсмотрѣть ихъ въ особыхъ комитетахъ, смягчить все дикое и жестокое, отмѣнить несообразное съ другими установленіями и представить мѣстному главному управленію на утвержденіе (§ 68).

Таково отношеніе имперскаго закона къ степнымъ законамъ и обычаямъ, и нынѣ степные законы пріемлются присутственными мѣстами въ основаніе въ сужденіяхъ о дѣлахъ иновѣрцевъ *).

Нельзя, конечно, отрицать вліянія религіи на законы и обычаи особенно у народовъ, живущихъ въ условіяхъ родового строя. И этой стороны народной жизни не преминулъ коснуться *Уставъ о сибирскихъ киргизахъ* и высказалъ такое пожеланіе: Поелику вѣра киргизъ-кайсаковъ по сіе время болѣе языческая, нежели магометанская: то представляется надежда къ обращенію многихъ изъ нихъ въ христіанство. Областное на-

---

*) Полож. объ инор. ст. 32.

чальство можетъ испросить особую въ степь миссію, съ тѣмъ, дабы дѣйствовала она одними увѣщаніями и убѣжденіями безъ малѣйшаго принужденія (§ 243).

Таково отношеніе имперскаго закона къ господствовавшимъ въ то время у киргизовъ вѣрованіямъ.

Была сдѣлана попытка собрать степные законы и обычаи; намѣреніе законодателя не доведено до конца; но все таки былъ собранъ комитетъ по сибирскимъ законамъ. 8 февраля 1824 г. зарегистрованы существовавшіе у киргизовъ по преданіямъ законы, они напечатаны Л. Самоквасовымъ въ извѣстномъ *Сборникѣ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ*.

Эти законы для насъ любопытны потому, что даютъ возможность сопоставить ихъ съ законами Степного Ликурга—Тявки. Почти сто лѣтъ уже киргизы въ подданствѣ Россіи, мирныя условія жизни должны были оказать свое вліяніе на правовой укладъ... И что-же, 1-ая же статья переноситъ насъ въ эпоху Хана Тявки:

«Если бы кто оказался богоотступникомъ или хулящимъ Бога, такового, по изобличеніи семью свидѣтелями, позволяется слышавшему оное убить камнемъ, и убійцѣ сего не

только за грѣхъ не ставить, но еще почитается сіе за спасеніе въ будущей жизни; если же убитъ не будетъ, то извергается изъ общества, и извѣщаются о богохульствѣ его другія волости, дабы онъ нигдѣ терпимъ не былъ".

Но въ этихъ законахъ, собранныхъ русскою властью, какъ матерьялъ для свода степныхъ законовъ, есть уже и кое-что такое, что и не снилось мудрому Тявкѣ.

«Кто христіанина склонитъ въ киргизское вѣроисповѣданіе, тотъ причитается съ правовѣрными въ царствѣ небесномъ"—гласитъ ст. 7, а ст. 8 устанавливаетъ такую правовую норму: „Ежели кто изъ рода киргизскаго приметъ христіанскую вѣру, то того не только лишаютъ права наслѣдства на собственно его мнѣніе, но буде кто изъ нихъ прежде принятія христіанской вѣры пойманъ будетъ, съ точнымъ намѣреньемъ креститься, долженъ, по закону, лишиться живота за поруганіе своего закона".

Судя по приведеннымъ положеніямъ, только наивный могъ питать надежду «на обращеніе многихъ изъ нихъ въ христіанство»: степные обычаи назначаютъ смертную казнь за намѣреніе перейти въ христіанство.

Если въ законахъ Хана Тявки превалируютъ нормы Великой Ясы Чингисхана и вообще нормы древнихъ монгольскихъ уставовъ до XVI вѣка, *) то уже въ „*Обычаяхъ киргизовъ*“. какъ они собраны въ *Сборникѣ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ*, зарегистрированные подъ предсѣдательствомъ сначала коллежскаго ассессора Путинцова, войскового старшины Леденева, а потомъ за отлучкою Путинцова, артилеріи майора Симонова, замѣчаются обильныя позаимствованія и изъ мусульманскаго права, напр.: свидѣтели увѣщеваются Богомъ и Алкораномъ, оскорбленіе муллы изъ рода хожей — составляетъ квалифицированное преступленіе и проч.

Если бы органы управленія точно выполнили требованія закона, то они отмѣнили бы то *несообразное съ другими установленіями*, что заключается въ киргизскихъ степныхъ обычаяхъ, собранныхъ въ 1824 году; но, какъ извѣстно, этого не послѣдовало; а подлинные сборники степныхъ законовъ, собранныхъ на основаніи § 68 Уст. о Сиб. инород., затеряны.

---

*) Я. Гурляндъ: Степное законодательство Каз. 1904 стр. 108.

Такимъ образомъ въ киргизскихъ степяхъ продолжало царить *дикое и жестокое и несообразное* съ другими установленіями, т. е. несогласное, находящееся въ противорѣчіи съ общеимперскими законами, относящимися къ той же области.

По мысли законодателя, на обычное право кочевыхъ сибирскихъ инородцевъ должно было оказывать благодѣтельное вліяніе, съ одной стороны, имперское законодательство, съ которымъ подлежало согласованію степное мѣстное право, при чемъ все дикое и жестокое въ степномъ правѣ должно быть смягчено, а съ другой стороны, въ степную жизнь должны быть проведены гуманныя начала христіанства. Законодатель заботился о собраніи и кодификаціи степныхъ законовъ не однихъ только сибирскихъ киргизовъ; на осн. § 64 Положенія объ управленіи киргизами Оренбургскаго вѣдомства 14 іюня 1844 г. *Оренбургской пограничной Комиссіи* вмѣнялось въ обязанность собрать и привести въ порядокъ киргизскіе обычаи, имѣющіе въ ордѣ силу закона, дабы составить изъ оныхъ родъ особаго свода для руководства при производствѣ и рѣшеніи тѣхъ дѣлъ, которыя должны разбираться и

судиться на основаніи сихъ народныхъ обычаевъ. Сей сводъ долженъ быть представленъ на утвержденіе высшаго правительства.

Если труды комитетовъ по собиранію степныхъ законовъ сибирскихъ инородцевъ нашли себѣ мѣсто лишь въ *Сборникѣ обычнаго права*, изданномъ въ 1876 году въ Варшавѣ проф. Д. Самоквасовымъ, то и сборникъ юридическихъ обычаевъ оренбургскихъ киргизовъ не дошелъ, очевидно, до разсмотрѣнія высшаго правительства. Киргизскіе законы не нашли себѣ мѣста въ Собраніи узаконеній и распоряженій правительства; они опубликованы въ 1871 году въ *Запискахъ Оренбургскаго отдѣла Императорскаго географическаго общества.*

Въ такой судьбѣ трудовъ правительственныхъ органовъ въ области инкорпораціи мѣстнаго права аполо-
геты патримоніальнаго строя могутъ находить, пожалуй, блестящее подтвержденіе того мнѣнія, что въ Россійской Имперіи нѣтъ мѣста для правовой жизни; вотчинныя начала, начала опекъ составляютъ нынѣ и должны составлять на будущія времена тотъ цементъ, который составляетъ силу и крѣпость государства, получив-

шаго большую часть наслѣдства Чингисъ хана. Правовая жизнь этой Имперіи находится въ зародышевомъ состояніи; здѣсь не существуетъ потребности въ юридическихъ знаніяхъ; юриспруденція, какъ особая дисциплина, еще не нужна; для правителей — де здѣсь достаточно элементарныхъ этнографическихъ и географическихъ свѣдѣній..

Само собой разумѣется, что такое положеніе создаетъ большую неустойчивость государственнаго корабля. Вся государственная жизнь регулируется усмотрѣніемъ правителей и обычаями различныхъ группъ, сословныхъ и территоріальныхъ, населенія; какъ для правителей, такъ и для этихъ группъ чужды общія задачи государства; для нихъ государственные интересы не существуютъ; для однихъ существуютъ личные интересы, для другихъ—групповые. Въ такомъ положеніи кроется причина недолговѣчности монгольскихъ и древнихъ восточныхъ монархій; въ нихъ національность вырабатывалась не въ условіяхъ и подъ воздѣйствіемъ широкой и сложной государственной жизни, а въ узкихъ предѣлахъ отдѣльнаго племени, часто замкнутаго въ благопріятныхъ границахъ занятой

территоріи; занятыя лишь культивированіемъ своихъ племенныхъ обычаевъ и особенностей, не участвующія въ общегосударственной жизни, племена дѣлаются враждебными самому государству, объединенному лишь усмотрѣніемъ правителей.

Наступаетъ благопріятный моментъ обнаруженія слабости силы сцѣпленія отдѣльныхъ областей государства, и оно внезапно распыляется: одни области его дѣлаются добычей сосѣднихъ государствъ, другія образуютъ новыя государства.

84317

VI.

Въ условіяхъ стараго порядка Россійской Имперіи усмотрѣніе имѣло преимущественное значеніе передъ закономъ: интересы законности приносились въ жертву интересамъ цѣлесообразности, вѣчно измѣнчивой, всегда окрашенной субъективными взглядами обладавшихъ полнотой власти правителей; трудно исполнимое или неудобное для исполненія по личному взгляду представителей власти не исполнялось. Законъ игнорируется или измѣняется сообразно съ видами мѣстныхъ властей, съ ихъ удобствами; виды цѣлаго приносятся въ жерт-

ву видамъ случайно поставленнаго во главѣ управленія мѣстностью лица. Отсюда не мало такихъ законовъ Россійской имперіи, которые нашли себѣ мѣсто лишь въ *Полномъ собраніи законовъ* или *въ Собраніи узаконеній или распоряженій правительства*, но не получили примѣненія въ человѣческихъ отношеніяхъ; *мертвая буква* — точное выраженіе для такихъ законовъ.

Посмотримъ—же, какъ отразилось на жизни киргизовъ игнорированіе органами государственнаго управленія гребованій имперскаго закона о собраніи и приведеніи въ систему и изданіи установленнымъ порядкомъ *степного обычнаго права* инородцевъ, по согласованію его съ законами имперіи.

Вотъ что сообщаютъ по этому вопросу тѣ лица, которыя заинтересовались правовой жизнью степныхъ народовъ. А. И. Добромысловъ находитъ, что за періодъ съ 1814 по 1869 годъ у киргизъ Тургайской области «судебная власть находилась въ рукахъ всѣхъ органовъ административной власти, начиная отъ начальника аула и кончая генералъ-губернаторомъ. Власти при рѣшеніи дѣлъ не столько руководствовались обычнымъ

правомъ киргизъ или русскимъ закономъ, сколько собственнымъ усмотрѣніемъ». «Кромѣ того въ этотъ періодъ стало ясно замѣчаться вліяніе на киргизскій народный судъ мусульманства. Съ самаго присоединенія Малой и Средней ордъ къ Россіи мы настойчиво по политическимъ соображеніямъ навязывали киргизамъ магометанство, посылая въ степи для улаженія дѣлъ съ ханами и родоначальниками переводчиковъ изъ татаръ, затѣмъ заводили для киргизъ мечети и татарскія школы, назначали муллъ и даже дали имъ муфтія, заводили толмачей разныхъ наименованій и конфидентовъ изъ татаръ и т. п. Но киргизы оказывали нашимъ затѣямъ упорнѣйшее сопротивленіе; тѣмъ не менѣе время и настойчивость дѣлали свое дѣло—киргизы мало-по малу знакомились съ кораномъ и шаригатомъ». *)

Законъ стремился согласовать степное обычное право съ нормами имперскаго права, подвергающагося вліянію христіанской морали; мѣстная политика насаждала нормы мусульманскаго права; вмѣсто того, чтобы

---

*) А. Добромысловъ: Судъ у киргизъ Тург. обл. Кор. 1049 стр. 31

недостатки *адата*—обычнаго права восполнять нормами имперскаго права, мы осложнили народную жизнь, замѣнивъ *адато шаригатомъ*, мусульманскимъ закономъ.

Любопытный случай насажденія шаріата въ киргизской степи въ сравнительно недавнее время передаетъ А. Зуевъ, нелишнее привести выписку изъ его статьи: «Отпоръ со стороны киргиза навязчивому нашествію шаріата былъ бы, можетъ быть, и еще успѣшнѣе, если бы, надо въ томъ сознаться, мы сами этому не мѣшали. Какъ на одинъ изъ непріятныхъ случаевъ въ этомъ отношеніи, можно указать на слѣдующій. Киргизскіе народные судьи, передъ тѣмъ какъ приступить къ разсмотрѣнію дѣлъ на ихъ съѣздахъ, обыкновенно припоминаютъ другъ другу различныя положенія своего обычнаго права—*адата*, которыми они, по нашему закону, обязаны руководствоваться при рѣшеніи дѣлъ, и затѣмъ составляютъ для себя такъ называемое «эреже», т. е. руководящее постановленіе, въ которое заносятъ всѣ подходящія правила и наставленія обычнаго права. Постановленіе это подписывается судьями, послѣ чего оно уже становится какъ бы сводомъ законополо-

женій, обязательныхъ для примѣненія ихъ судьями того съѣзда.

«На одномъ изъ такихъ съѣздовъ, въ Семипалатинской области, народные судьи, неизвѣстно чѣмъ побуждаемые, порѣшили вовсе отвергнуть обязательные для нихъ мѣстные обычаи и назначать «имущественную отвѣтственность за различнаго рода увѣчья по магометанскому шаригату». Вотъ это судебное руководство.

«Ст. 1. Если кто либо кого ударитъ по головѣ и отъ этого пострадавшій потеряетъ разсудокъ и сдѣлается сумасшедшимъ, то виновный подвергается къ уплатѣ одной тысячи тилля, каждая тилля равняется одному золотнику золота, или 100 верблюдамъ и 10 тысячамъ рублямъ шаригата: каждый рубль шаригата равняется 20 копейкамъ».

«Ст. 3. За обрѣзаніе дѣтороднаго уда виновный подвергается уплатѣ 100 верблюдовъ».

«Слѣдующія статьи также хороши:

«Ст. 26. За обрѣзаніе у женщины обѣихъ грудей платится кунъ въ 100 верблюдовъ».

«Ст. 27. За обрѣзаніе у женщины одной груди платится кунъ въ 50 верблюдовъ».

«Образцомъ глубокой проникновенности судейской мысли могутъ служить слѣдующія двѣ статьи:

«Ст. 44. За истязаніе человѣческаго тѣла необходимо при разбирательствахъ соблюсти равновѣсіе, т. е. такъ: предположимъ, что получившій истязаніе былъ рабъ, цѣну котораго опредѣлить до истязанія и послѣ такового, и уже затѣмъ полученная разница въ суммѣ должна платиться куномъ за оказанное истязаніе».

«45. Если кто ударитъ беременную женщину, и она скинетъ мертваго младенца, платится 100 рублей, а если младенецъ будетъ скинутъ живымъ и потомъ умретъ, то платится кунъ 100 верблюдовъ».

«Если младенецъ скинутъ мертвымъ и затѣмъ мать умретъ, то платится кунъ 100 верблюдовъ и 100 рублей. «Если же мать помретъ, а младенецъ будетъ скинутъ мертвымъ, то платится кунъ 100 верблюдовъ. Если же мать помретъ, а младенецъ будетъ скинутъ живымъ, и потомъ умретъ, то въ этомъ случаѣ кунъ считается за человѣка, и платится 200 верблюдовъ». «Можно бы подумать, что все это одна палеонтологія, если-бы, во-первыхъ, не имѣющійся надъ нею заголовокъ, ихъ коего видно, что та-

кими рецептами постановили руководствоваться почтенные члены чрезвычайнаго съѣзда народныхъ судей Семипалатинской области, происходившаго на рѣкѣ Чаръ, въ маѣ 1885 г., и, во-вторыхъ, не слѣдующая, многозначительная скрѣпа подъ ними: печатано по распоряженію военнаго губернатора Семипалатинской области, 14 февраля 1886 г., № 1546».

VII.

Не лишней покажется приведенная мною обширная выписка изъ напечатанной въ *журналѣ Министерства Юстиціи* статьи А. Зуева: *Киргизскій народный судъ*, если сравнить нормы *эреже* областного съѣзда народныхъ судей Семипалатинской области 1885 года, распубликованныхъ военнымъ губернаторомъ, съ одной стороны съ *обычаями киргизовъ*, собранными комитетомъ по киргизскимъ законамъ 8 февраля 1824 г. и напечатанными Д. Самоквасовымъ въ *Сборникѣ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ*, а съ другой, съ *киргизскими обычаями*, собранными оренбургской пограничной комиссіей на основаніи закона 14 іюня 1844 г., приведенными въ

систему султаномъ Тлеу Айтюревичемъ Сейдалинымъ и напечатанными въ 1871 году во второмъ выпускѣ «Записокъ Оренбургскаго отдѣла Императорскаго географическаго общества» въ статьѣ: «Народные обычаи, имѣвшіе а отчасти и нынѣ имѣющіе въ Малой Киргизской Ордѣ силу закона». Большія выписки изъ этой статьи приведены А. Добромысловымъ въ его: *Судъ у киргизъ Тургайской облсти въ XVIII и XIX вѣкахъ.**)

Если сдѣлать указанное сравненіе, то окажется, что народные судьи Семипалатинской области въ своемъ *эреже* 1885 г. лишь повторили, насколько имъ позволила память, тѣ нормы обычнаго права киргизовъ, которыя заключаются въ *сборникѣ Самоквасова* и въ *запискахъ Оренургскаго отдѣла Императорскаго Геогр. общества за* 1871 *годъ.*

Такимъ образомъ, нельзя согласиться съ А. Зуевымъ, что «народные судьи, неизвѣстно чѣмъ побуждаемые, порѣшили всѣ отвергнуть обязательные для нихъ мѣстные обычаи»; напротивъ, они только еще разъ под-

---

*) Ученыя записки Императорскаго Казанскаго университета за 1904 г. Отдѣльный оттискъ стр. 32.

твердили живучесть народныхъ обычаевъ; они не могутъ быть виновны въ томъ, что *дикое и жестокое*, заключающееся въ мѣстныхъ обычаяхъ, и *не согласное съ другими законами* не устранено законодателемъ. Они лишь старались оправдать въ мнѣніи народномъ то высокое званіе *бія*, которое, «въ сознаніи народномъ, принадлежитъ тѣмъ немногимъ, которые съ природнымъ умомъ и даромъ краснорѣчія, соединяютъ въ себѣ глубокія познанія въ коренныхъ обычаяхъ народа и въ историческихъ о немъ преданіяхъ».

Но любопытнѣе еще дальнѣйшія разсужденія г. А. Зуева: «Какъ, а главное—для чего могло послѣдовать это распоряженіе со стороны высшей власти, знавшей, что киргизскіе народные судьи, въ силу закона, при разрѣшеніи дѣлъ, руководствоваться постановленіями шаригата права не имѣютъ, и что такія дѣйствія, какъ, напр., вырѣзаніе женской груди, даже и вовсе не подвѣдомы суду народному,—неизвѣстно; конечно же, никому въ голову не придетъ принять это распоряженіе печатать за разрѣшеніе народному суду такъ рѣзко превысить его власть; но дѣло въ томъ, что эта мусульманская мудрость, на-

печатанная по киргизски и изданная распоряженіемъ высшей въ области русской власти, да еще съ приведеннымъ заголовкомъ, легко можетъ ввести въ соблазнъ народную массу, привыкшую понимать, что отъ такой власти всегда исходитъ только одинъ *законъ*. Будемъ думать, что этотъ фактъ официальнаго распространенія среди населенія неразрѣшеннаго закономъ и намъ враждебнаго мусульманскаго кодекса—простая случайность, одна изъ тѣхъ грустныхъ случайностей, которыми во всѣ времена, въ союзѣ съ нашей недальновидностью и порочными наклонностями мѣстныхъ властей, мусульманская пропаганда ловко пользовалась, чтобы уронить, растлить обычный судъ у киргизовъ».

Распоряженіе высшей въ краѣ власти именуется простой случайностью, а дѣйствіе народныхъ судей, по памяти составившихъ *эреже* изъ обычаевъ, давнымъ давно извѣстныхъ органамъ управленія, именуется *превышеніемъ власти*, да вѣдь превышеніе власти со стороны народныхъ судей наступило бы тогда, когда бы они примѣнили норму *ереже* къ конкретному случаю и свое постановленіе привели въ исполненіе; но для отмѣны приговоровъ и рѣшеній народныхъ

судовъ, постановленныхъ съ превышеніемъ власти или по дѣламъ неподсуднымъ, чины прокурорскаго надзора обязаны входить съ протестомъ. Но какія средства имѣются для отмѣны тѣхъ *простыхъ случайностей*, которыя именуются распоряженіемъ высшей въ краю власти? Кто осмѣлится протестовать противъ такого распоряженія или ему не подчиниться? Едва-ли А. Зуевъ укажетъ тотъ законъ, которымъ запрещено печатаніе и распространеніе кодекса, составляющаго содержаніе *эреже* семипалатинскихъ народныхъ судей 1885 г. Печатать и распространять его не возбраняется, а вотъ обращать его въ дѣйствующее право въ тѣхъ случаяхъ, когда нормы его противорѣчатъ закону, имъ отмѣнены или же посягаютъ на самыя основы общежитія, составляя по существу преступное дѣяніе,—это уже незаконно. Очень жаль что А. Зуевъ не провѣрилъ скрѣпы 14 февраля 1886 г. № 1546, вѣдь для печатанія и распространенія *эреже* можно было и не обращаться за разрѣшеніемъ къ военному губернатору, если ему дѣлалось представленіе со стороны областного съѣзда, то уже не какъ къ органу, на котораго возложена предварительная цевзура печатныхъ про-

изведеній. Поэтому, мнѣ кажется, всѣ такія выраженія А. Зуева, какъ «намъ враждебный мусульманскій кодексъ», «грустная случайность», «наша недальновидность», «порочная наклонность мѣстныхъ властей», «мусульманская пропаганда ловко пользовалась, чтобы уронить, растлить обычный судъ у киргизовъ»—все это лишь беллетристическія украшенія въ юридической статьѣ; это лишь стремленіе замазать дѣйствительность, свалить отвѣтственность съ больной головы на здоровую, попытка уронить слезу любви къ отечеству и не обидѣть власть имѣющихъ.

Здѣсь не простая случайность, а система: смѣшеніе судебной и исполнительной власти съ законодательной...

VIII.

Законъ признаетъ *степное обычное право* кочевыхъ инородцевъ; имъ обязаны руководствоваться въ дѣлахъ между инородцами и присутственныя мѣста; недостатокъ въ *степныхъ законахъ* при рѣшеніи дѣлъ дополняется общими узаконеніями. *)

---

*) Полож. объ имор. ст. 32.

Шаригатъ, конечно, не можетъ быть отнесенъ къ общимъ узаконеніямъ Имперіи; нормы его являются вообще инороднымъ тѣломъ въ структурѣ права государства, основу котораго составляетъ христіанская мораль и начала западно-европейской культуры.

Предоставивши кочевымъ инородцамъ пользоваться степными законами, законодатель, какъ мы видѣли, постарался опредѣлить и способъ познанія этихъ законовъ; способъ этотъ оказался не выполненнымъ по той простой причинѣ, что тѣ учрежденія, которымъ было поручено собираніе и инкорпорація степныхъ законовъ, не въ состояніи были справиться съ поставленной имъ задачей. Легко сказать: „собрать полныя и подробныя о сихъ законахъ свѣдѣнія, смягчить все дикое и жестокое, отмѣнить несообразное съ другими узаконеніями». И это должны были сдѣлать въ сибирскихъ губерніяхъ и областяхъ *особые временные комитеты*, а въ отношеніи права киргизовъ нынѣшней тургайской области—*оренбургская пограничная комиссія*.

Кажущаяся простота быта и отношеній еще не превышаетъ легкости обнаруженія и уясненія правовыхъ

нормъ. Напротивъ, чуждыя европейскому укладу степныя отношенія затрудняютъ познаніе степныхъ правовыхъ нормъ для человѣка, усвоившаго себѣ европейское міровоззрѣніе и христіанскую мораль и догматизмъ. Нужно было обладать большой долей наивности, чтобы вѣрить, что русскіе чиновники отдаленныхъ губерній и провинцій начала прошлаго вѣка настолько подготовлены теоретически и практически, чтобы справиться съ указанной работой. Не имъ ли, этимъ чиновникамъ, степные народы обязаны той правовой анархіей, которая нынѣ царитъ у кочевыхъ сибирскихъ инородцевъ? И замѣчательно то, что законодатель это зналъ; и зная это все таки поручилъ этимъ чиновникамъ произвести столь деликатную въ этическомъ отношеніи и тонкую въ техническомъ работу. Чтобы не быть голословнымъ, сдѣлаю выписку изъ официальнаго изданія, напечатаннаго въ 1841 году по Высочайшему повелѣнію: Обозрѣнія главныхъ основаній мѣстнаго управленія Сибири (стр. 58 и слѣд.).

«Инструкціею 27 іюня 1728 г., подтвержденною Высочайшимъ указомъ 6 марта 1783 г., судъ и расправа во всѣхъ дѣлахъ тяжебныхъ и въ не-

важныхъ уголовныхъ между сибирскими инородцами предоставлены родовымъ ихъ управамъ и почетнымъ людямъ, по собственнымъ ихъ степнымъ правиламъ.

«Но самыя сіи правила, по коимъ надлежало дѣйствовать управамъ, основанныя большею частью на сложныхъ и разнообразныхъ изустныхъ преданіяхъ, ничѣмъ не были удостовѣрены и даже остались вовсе неприведенными въ извѣстность. Отсюда: произвольная расправа родовыхъ судовъ, жестокость въ наказаніяхъ, наложеніе несоразмѣрныхъ пеней и взысканій, безпрерывные споры между инородцами, и особенно между якутами, о смыслѣ и силѣ степныхъ правилъ,—споры, завлекшіе ихъ въ судебныя тяжбы, тѣмъ болѣе раззорительныя, что судебныя мѣста, не зная родовыхъ обычаевъ, при ревизіи восходящихъ къ нимъ дѣлъ, рѣшенія свои всегда основывали на общихъ государственныхъ узаконеніяхъ, такъ что *инородецъ оправдывался или обвинялся совершенно противъ общаго его понятія о справедливости*». (Курсивъ мой).

Чтобы устранить такіе важные безпорядки, составленный въ 1829 году Общій уставъ для управленія сибир-

скихъ инородцевъ въ числѣ другихъ мѣръ призналъ необходимымъ «степныя правила и обычаи привести въ извѣстность и издать въ особомъ *Сводѣ*», возложивъ исполненіе на особые комитеты. Едва-ли можетъ быть два мнѣнія о томъ, что лица, привыкшія примѣнять къ инородцамъ общія узаконенія, обвинявшія или оправдывавшія инородцевъ противъ общаго ихъ понятія о справедливости, могли объективно отнестись къ нормамъ степного права; вѣдь именно изъ такихъ лицъ состояло тогда, да состоитъ и нынѣ чиновничество, которому ввѣренъ надзоръ за инородческимъ управленіемъ, попеченіе о нуждахъ инородцевъ и разрѣшеніе, въ качествѣ третьей степени словесной расправы, судебныхъ дѣлъ инородцевъ, подвѣдомственныхъ ихъ родовымъ управленіямъ.

Какъ отнеслись сибирскіе чиновники къ реформамъ Сперанскаго, которому Сибирь обязана, между прочимъ, Сибирскимъ учрежденіемъ, Уставомъ о управленіи Сибирскихъ инородцевъ и Уставомъ о управленіи Сибирскихъ киргизовъ, можно судить по словамъ наиболѣе образованнаго изъ нихъ, Геденштрома: «многосложное и ученое Сибирское учрежденіе такъ

законно, но и такъ филантропически написано, что во всѣхъ иностранныхъ университетахъ было бы признано мастерскимъ произведеніемъ; но чрезъ то самое готовило оно Сибири конечное разореніе... *Филантропія не умѣстна въ Сибири*: не столь вредна была бы ей холера отъ сосѣдей китайцевъ, какъ *эта пагуба*, разстроившая совершенно, и, можетъ быть, на вѣкъ спокойствіе и счастіе Сибири» *). И вотъ лица съ такимъ отношеніемъ къ закону и законности, видѣвшія въ нихъ *пагубу хуже холеры*, должны были осуществлять требованіе о составленіи свода степныхъ законовъ: *филантропію, неумѣстную въ Сибири*...

IX.

Если киргизы степныхъ областей вздыхаютъ съ сожалѣніемъ о тѣхъ блаженныхъ временахъ, когда не было русскаго господства, а мудрые біи судили народъ по законамъ Хана Тявки, заимствовавшаго юридическую

---

*) А. Щаповъ. Сибирское общество до Сперанскаго. Извѣстія сиб. отд. Импер. геогр. общества 1874 г. Апрѣль (т. V № 1) также сочиненія т. III стр. 716.

мудрость изъ древнихъ монгольскихъ уставовъ, то и сибирскіе восточные инородцы также не безъ сожалѣнія вспоминаютъ о тѣхъ временахъ, когда у нихъ дѣйствовали и примѣнялись древніе ихъ обычаи, не затемненные и не извращенные распоряженіями русскихъ администраторовъ, видѣвшихъ въ одномъ только намѣреніи установить законность вредную филантропію, пагубную для Сибири.

Вѣдь подъ сѣнью русской власти развилось то зло въ жизни сибирскихъ инородцевъ, которое изображаетъ само русское правительство, чтобы обосновать законы, которые и понынѣ регулируютъ сибирскую жизнь: «произвольная расправа родовыхъ судовъ, жестокость въ наказаніяхъ, наложеніе несоразмѣрныхъ пеней и взысканій».

Вѣдь это зло нынѣ царитъ въ сибирскихъ степяхъ: оно приняло ужасающіе размѣры, потому что, благодаря примѣненію къ степнякамъ общихъ государственныхъ узаконеній въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ обязываетъ руководствоваться степными законами,—общихъ государственныхъ узаконеній противъ общаго понятія инородцевъ о справедливости,—они, степняки-инородцы, совершенно утра-

тили понятіе о правѣ, они утратили вѣру въ законъ; государство, русское государство, для нихъ—кара, ниспосланная Богомъ...

А какой благодарный матеріалъ для государственнаго строительства представляли и представляютъ теперь эти степняки скотоводы, кочевые инородцы Сибири!

Ихъ предки подъ предводительствомъ богадуровъ Чингисъ—Хана покорили міръ; во главѣ ихъ геніальный Субутай разгромилъ Китай, разбилъ соединенныя силы русскихъ князей на Калкѣ и навелъ ужасъ на Священную Римскую Имперію Германской націи...

А вотъ какими чертами изображаетъ ихъ степные законы русскій писатель начала XIX столѣтія: «законы ихъ отличаются отъ законовъ другихъ народовъ, находящихся на одинаковой степени образованности особенно тѣмъ, что они не имѣютъ ничего варварскаго, ничего противнаго человѣчеству. Нельзя предполагать, чтобы оные могли быть произведеніемъ сихъ народовъ, ибо законы всѣхъ восточныхъ сибирскихъ инородцевъ, кромѣ чукчей, кои до сихъ поръ мало извѣстны, имѣютъ повидимому одинъ характеръ, одно правило, что всякое преступленіе влечетъ за собою лише-

ніе собственности *)». Нынѣ кажется, что авторъ преувеличиваетъ достоинства сибирскихъ степныхъ законовъ, потому что кромѣ имущественныхъ взысканій въ нихъ немало дикаго и жестокаго по части наказаній тѣлесныхъ, членовредительныхъ; но вѣдь надо имѣть въ виду, что авторъ для сравненія имѣлъ передъ собою наши общія государственныя узаконенія, которыя въ XVIII и началѣ XIX вѣка по части дикаго и жестокаго могли заткнуть за поясъ всѣ степные законы и обычаи... Но любопытно слѣдующее сообщеніе того-же автора: «Судъ и расправа производится у Хоронскихъ бурятъ по степному уложенію, (Кудугену Токтолъ), писанному на монгольскомъ языкѣ, которое за нѣсколько столѣтій сочинено въ Монголіи и дополнено 1808 года отъ бурятскихъ тайшей и родоначальниковъ новыми статьями. Оно раздѣлено по родамъ преступленій на три отдѣленія». Далѣе авторъ приводитъ немногія статьи изъ этого уложенія. **)

---

*) Сибир. Вѣстникъ Григ. Спасскаго 1823 г. ч. I О законахъ нѣк. восточ. сиб. инородцевъ А. Р.

**) Въ „Сборн. обыч. права сиб. инор. Д. Самоквасова въ главѣ обычаи братскихъ Хоронскаго вѣдомства изложена исторія этого письменнаго степного уложенія.

Хороша освѣдомленность русской государственной власти въ степныхъ законахъ! Въ то самое время, когда изданъ былъ уставъ о сибирскихъ инородцахъ, въ основу котораго положены свѣдѣнія, что степные законы хранятся въ изустныхъ преданіяхъ, нич мъ не удостовѣрены и даже не приведены въ извѣстность,—въ это самое время буряты пользуются писаннымъ закономъ степнымъ уложеніемъ, дополненнымъ въ 1808 году!

Симпатичными чертами изображаетъ А Щаповъ мирный укладъ «бурятской улуской родовой общины:» *) «полной симпатіи и поддержки заслуживаетъ естественная наклонность бурятъ помогать другъ другу въ нуждѣ, въ несчастіяхъ, въ сиротствѣ и т. п. Во всѣхъ улусныхъ общинахъ безродные, сироты, бѣдные ходятъ по юртамъ, какъ по своимъ роднымъ жилищамъ, и находятъ тамъ пріютъ и пропитаніе Они могутъ, сами, безъ всякаго спросу, взять, что увидятъ въ юртахъ съѣстного,—и сродичи, одноулусники за это не гонятъ, не

Оно учинено по указу Верхнеудинской провинц. канцеляріи отъ 20 мая 1780, а дополнено въ 1808 году.

*) Извѣстія Сиб. отд. Императорскаго Рус. Геогр. общ. 1874 г. т. V. №№ 3 и 4.

попрекаютъ ихъ. Гдѣ вечеромъ поѣстъ бѣдный, тамъ и ночуетъ, какъ дома. Даже сиротъ ясачныхъ осѣдлыхъ инородцевъ буряты содержатъ на свой счетъ». Далѣе А. Щаповъ отмѣчаетъ гласность бурятскаго народнаго суда: „и точно, старинный, самобытный, бурятскій судъ—это, въ нѣкоторомъ отношеніи, естественный, эмбріональный зародышъ или архаическій прототипъ современнаго гласнаго суда. Достаточно и тѣхъ не многихъ, краткихъ словъ, какими сами буряты обрисовывали намъ свой судъ, чтобы составить понятіе о сущности и формѣ этого суда. Ленскіе буряты говорили, «на судъ бурятскій по старому обычаю, сходятся старики—родичи улусные, сходятся народъ—улусъ, собираются въ какую нибудь, юрту, или въ ограду или на степь—и разбираютъ дѣло между истцомъ и обвиняемымъ. Если обвиняемый отпирается отъ своей вины, то истецъ выбираетъ изъ 20 или 30 его родственниковъ одного кого-либо, и старики заставляютъ обвиняемаго при всемъ улусѣ – народѣ побожиться предъ этимъ своимъ родственникомъ, какого выбираетъ и укажетъ истецъ». Бурятскій судъ изображается А. Щаповымъ, какъ на основаніи современ-

ныхъ ему опросныхъ данныхъ, такъ и на основаніи архивныхъ данныхъ конца XVIII столѣтія.

Что-же мы противоставили народному инородческому суду? Какія понятія о спроведливости мы имъ прививали? Чѣмъ мы замѣнили нормы степного права, съ которымъ совершенно не подумали ознакомиться?

Тотъ же А. Щаповъ приводитъ любопытный указъ иркутскаго губернскаго правительства 7 іюня 1808 года верхоленскому бурятскому вѣдомству, которое находило неуравнительнымъ росписаніе обывательской гоньбы; а верхоленскій тайша Абагаевъ „сдѣлался столько дерзкимъ, что, не взирая ни начто вошелъ съ новымъ представленіемъ» и не представилъ отъ общества никакой довѣренности. Эта продерзость повлекла между прочимъ слѣдующія распоряженія по отношенію къ тайшѣ Абагаеву, шуленгѣ Куни Дидоеву и пищику крещеному Житову: не привлекая Абагаева и Куни Дидаева къ судному обряду высѣчь ихъ при сходѣ народа лозами, отъ занимаемыхъ должностей и званія нынѣ же отрѣшить; а Житова переселить въ другое общество между крестьянами, а не братскими, какъ человѣка крещенаго.

Вотъ какъ поступали съ представителями инородческихъ обществъ, несогласныхъ съ распоряженіями мѣстныхъ властей! И такая мягкость, по свидѣтельству того же указа, объясняется лишь совершеннымъ невѣжествомъ и незнаніемъ законовъ Абагаева и Дидоева.

Въ 1848 году и. о. генералъ-губернатора Восточной Сибири издалъ правила противъ пьянства инородцевъ, возложивъ на инородныя управы и полусныхъ начальниковъ подъ страхомъ отвѣтственности надзоръ за исполненіемъ этихъ правилъ. Правила заключаютъ и такую норму: кто влообыченъ въ пьянствѣ или болѣе времени въ году пьянъ, нежели трезвъ бываетъ, тотъ подвергается содержанію въ смирительномъ домѣ до исправленія *).

Въ 1900 году Иркутскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ была разослана крестьянскимъ начальникамъ Иркутской и Енисейской губерніи для руководства цѣлая печатная книга, составленная А. А. Корниловымъ, чиновникомъ особыхъ порученій V кл. при названномъ генералъ-губернато-

---

*) А. Е. Лаппо. Преступленіе и нак. по степ. праву. Красн. 1905 г.

рѣ: О нуждахъ и вопросахъ крестьянскаго дѣла, обнаруженныхъ при ревизіи крестьянскихъ учрежденій Иркутской и Енисейской губерній осенью 1899 года.

При обозрѣніи главы: объ инородческомъ управленіи и словесной расправѣ *) нельзя не видѣть, что при ревизіи инородческаго управленія и суда сибирскихъ инородцевъ необходимо знакомство съ сборникомъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ, изд. въ Варшавѣ въ 1876 г. Д. Самоквасовымъ. Мало того, этотъ сборникъ, по мнѣнію ревизора, можетъ служить нѣкоторымъ подспорьемъ для крестьянскихъ начальниковъ при рѣшеніи инородческихъ дѣлъ въ качествѣ третьей степени словесной расправы, хотя «изданіе его уже разошлось и достать его трудно», и со времени его составленія «многіе обычаи могли измѣниться и потому выясненіе существованія того или другого обычая должно при разборѣ исковыхъ дѣлъ инородцевъ производиться опросомъ стариковъ и вообще мѣстныхъ толковыхъ людей».

Право самоцѣнно и самоцѣльно; пренебреженіе правомъ прежде всего

---

*) Стр. 69—83.

вредно отражается на государствѣ: современное государство не конгломератъ самодовлѣющихъ вотчинъ; дѣйствія представителей государственной власти не могутъ измѣряться и оцѣниваться масштабомъ добраго вотчинника. Сила и мощь государства опредѣляется не силою и могуществомъ мѣстныхъ представителей государства или богатствомъ, силою и независимостью вотчинниковъ, а силою правопорядка, въ которомъ и дѣятельность мѣстныхъ властей и сила и богатство вотчинниковъ и каждаго гражданина направлена къ одной цѣли—къ благу всего государства; а это можетъ быть только тогда, когда интересы всѣхъ и каждаго члена государства находятъ правовую защиту, когда законъ предоставляетъ должный правовый просторъ для дѣятельности отдѣльнаго подданнаго и образуемыхъ подданными союзовъ, непротивныхъ цѣляхъ общежитія.

Что-же мы видимъ въ приведенныхъ примѣрахъ?

Мѣстныя власти, не считаясь съ процессуальными обрядами и формами, безъ суда и слѣдствія, выпороли лозами бурятскаго тайшу Абагаева и Шуленгу Куни Дидаева предъ всѣмъ обществомъ, представителями кото-

раго они были, и отрѣшили ихъ отъ должности за то, что они стояли на стражѣ интересовъ своего общества.

Какое уваженіе къ Государственной власти, какое отношеніе народовъ будетъ къ Имперіи, представители которой ставятъ себѣ въ заслугу пренебреженіе судными обрядами! Вѣдь судный обрядъ на то и существуетъ, чтобы обнаружить по отношенію къ конкретному случаю правовую матеріальную норму и ее примѣнить правильно. Таково было отношеніе властей къ сибирскимъ инородцамъ и ихъ праву до изданія устава о сибирскихъ инородцахъ 1822 г.

Этотъ уставъ точно опредѣлилъ, что уголовными дѣлами, изъятыми отъ словесной расправы, относительно сибирскихъ кочевыхъ и бродячихъ инородцевъ, вообще считаются: возмущеніе, намѣренное убійство, разбой и насиліе, дѣланіе фальшивой монеты, похищеніе казеннаго и общественнаго имущества и корчемство, всѣ же прочія, не исключая и кражи, считаются исковыми *). Исковыя же дѣла подлежатъ разбиратель тву въ родовыхъ управленіяхъ. Родовое управленіе, т. е. управляющій родомъ, пріем-

*) Пол. объ инор. ст. 75, 138—141.

лемый въ значеніи старшаго лица, какъ будто бы родъ составлялъ одно семейство, имѣетъ право взыскивать за маловажные проступки по обычаямъ каждаго племени и въ качествѣ домашняго исправленія. Кромѣ родовыхъ управленій никакое лицо или мѣсто не имѣетъ право на подобныя взысканія безъ суда и приговора.

Злообычность въ пьянствѣ не находится въ числѣ уголовныхъ дѣлъ, изъятыхъ отъ словесной расправы, а смирительный домъ не извѣстенъ обычаямъ инородческихъ сибирскихъ кочевыхъ племенъ, какъ средство домашняго исправленія.

Ясно, какъ Божій день, что и. о. генералъ-губернатора Восточной Сибири, издавши въ 1848 году свои правила противъ пьянства, пренебрегъ не только судебными обрядами, но и установилъ карательную норму вопреки закону: отнесъ къ уголовнымъ дѣламъ такое дѣяніе, за которое старшее лицо въ родѣ можетъ взыскивать по обычаямъ своего племени и въ качествѣ домашняго исправленія.

Плоды такого отношенія къ закону и праву не замедляютъ своимъ появленіемъ. Прошло 70 лѣтъ со вре-

мени изданія устава объ управленіи инородцевъ, возложившаго на мѣстныя начальства обязанность собрать полныя и подробныя свѣдѣнія о законахъ иновѣрцевъ, а затѣмъ, смягчивъ все дикое и жестокое въ нихъ и отмѣнивъ несообразное съ другими установленіями, представить на утвержденіе мѣстному главному управленію, какъ высшая власть въ краѣ рекомендуетъ подчиненнымъ ей органамъ управленія, которымъ вѣренъ надзоръ за инородческимъ управленіемъ, принять къ руководству, какъ нѣкоторое подспорье «Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ», изданный случайно въ 76 году въ Варшавѣ съ рукописи, составлявшей копію собранія, сдѣланнаго мѣстными властями въ 1822 году, копію, подлинникъ которой утерянъ. Въ этотъ Сборникъ, какъ мы видѣли, включено и все то дикое и жестокое и несообразное съ другими установленіями, что подлежало отмѣнѣ или смягченію. И можно думать, если бы не рѣдкость изданія «сборника», не трудность его пріобрѣтенія съ одной стороны, а съ другой, не предположеніе, что многіе обычаи могли измѣниться со времени его составленія, то этотъ «Сборникъ», пожалуй, былъ бы предло-

женъ къ исполненію и непремѣнному руководству крестьянскихъ начальниковъ Иркутской и Енисейской губерніи при исполненіи ими обязанности въ качествѣ третьей степени словесной расправы при рѣшеніяхъ по исковымъ дѣламъ сибирскихъ кочевыхъ инородцевъ.

XI.

Но жизнь народа не можетъ топтаться на одномъ мѣстѣ; каждый народъ подвергается многообразнымъ вліяніямъ; государство въ своемъ могуществѣ является лишь важнѣйшимъ факторомъ, способнымъ оградить народную жизнь отъ вредныхъ вліяній, способныхъ поразить начала самого общежитія. Законъ—орудіе государства; въ норму закона облекаетъ государство свои велѣнія. Мы видѣли, что г. А. Зуевъ именуетъ «простой случайностью» распубликованіе съ разрѣшенія высшей мѣстной власти юридическихъ правилъ, которыя приняли для руководства народные судьи Семипалатинской области въ маѣ 1885 года. Но мы видѣли также, что и Иркутскій военный генералъ-губернаторъ въ 1900 году предложилъ крестьянскимъ начальникамъ пользоваться въ

качествѣ нѣкотораго подспорья «Сборникомъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ» Д. Самоквасова, въ которомъ изложены между прочимъ и нормы, воспроизведенныя по памяти семипалатинскими народными судьями.

Тамъ, въ Степныхъ областяхъ, какъ мы видѣли, за время русскаго владычества подъ покровомъ русскихъ властей шаманизмъ вытѣсненъ мусульманствомъ, адатъ-шаригатомъ. Коренное населеніе Забайкалья тунгусы и буряты во время завладѣнія Сибири русскими были также шаманисты. И здѣсь русскія мѣстныя власти постарались впутаться въ религіозныя отношенія, оказывать свое вліяніе въ дѣлѣ народной совѣсти и замѣнить шаманизмъ буддизмомъ.

До опредѣленія русско-китайской границы въ 1728 г. монгольскій и тибетскіе ламы безпрепятственно проповѣдывали въ Забайкальѣ свое ученіе, а прибывавшіе въ бурятскія кочевья ламы изъ Тибета расписывались инородческими старшинами по отдѣльнымъ родамъ. «Ламаизмъ долго, долго не находилъ себѣ пріюта даже въ Даурiи, сопредѣльной съ Китайской Монголіей и сближенной съ резиденціей Ургинскаго Хутукты», говоритъ архі-

епископъ Нилъ *). Благодаря искусству врачеванія, ламамъ удалось одержать надъ бурятами духовную побѣду. Такъ какъ въ условіяхъ кочевого быта исполненіе буддійскихъ ритуаловъ являлось невозможнымъ, то ламы пошли на встрѣчу потребностямъ иородческаго строя; они начали устраивать кумирни въ кибиткахъ, которыя служили и для молитвы и для леченія.

Графъ Савва Рагузинскій въ инструкціи пограничнымъ дозорщикамъ воспретилъ пропускать заграничныхъ ламъ, а распорядился «выбирать ихъ между собою изъ каждаго рода по два ламчика благоразумныхъ и къ наукѣ охотныхъ, хотя изъ сиротъ или кто похочетъ, и отдавать тайшѣ Лупсану, дабы при немъ обрѣтающіеся ламы оныхъ учили мунгальской грамотѣ и прочему, что такимъ принадлежитъ».

Такимъ образомъ положено было основаніе мѣстнаго ламаизма; появились дацаны — религіозные центры. Вотъ къ какимъ выводамъ приходитъ по занимающему насъ вопросу Высочайше утвержденная подъ предсѣд. статсъ-

---

*) Буддизмъ, разсматриваемый въ отношеніи къ послѣдователямъ его, обитающимъ въ Сибири. Спб. 1858 г. стр. 250.

секретари Куломзина комиссія для изслѣдованія земледѣлія и землепользованія въ Забайкальской области: «Вообще, отношеніе сибирскаго начальства того времени къ ламаитамъ отличалось крайней непослѣдовательностью, и принимавшіяся въ этомъ направленіи мѣры нерѣдко совершенно противорѣчили одна другой. Лучшимъ примѣромъ такой непослѣдовательности можетъ служить распоряженіе иркутскаго губернатора Трескина, который въ 1809 году, предоставивъ вновь назначенному Бондидо-Хамбѣ Жамсуеву неограниченную власть надъ монголо-бурятскимъ духовенствомъ, предложилъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ принять мѣры къ «пресѣченію шаманства», не смотря на то, что не далѣе какъ въ 1807 г., т. е. всего за 2 года передъ тѣмъ, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Пестель разрѣшилъ шаманствующимъ свободно отправлять свои обряды». Благодаря такому распоряженію Трескина «полиція, по указаніямъ ширетуевъ, преслѣдовала шамановъ, хватала ихъ, сажала въ ручныя и ножныя колодки, морила голодомъ, сжигала принадлежности шаманства и т. д.» Такимъ путемъ происходило обращеніе ша-

манствующихъ въ ламайскую вѣру. *)

То, что продѣлывали въ киргизскихъ степяхъ мусульманскіе муллы, какъ мы видимъ, продѣлывали по волѣ мѣстнаго начальства въ Забайкальѣ буддійскіе ламы.

И пустымъ звукомъ остаются слова закона: кочевые инородцы пользуются свободою въ вѣроисповѣданіи и богослуженіи. **)

Законъ нигдѣ не защищенъ отъ усмотрѣнія мѣстныхъ представителей государственной власти, способствующихъ своей мѣстной политикой лишь распыленію государства...

Стопудовой гирею виситъ инородческій вопросъ на правовой жизни русскаго государства. Одинъ членъ Государственной Думы въ своей парламентской рѣчи сдѣлалъ къ слову сопоставленіе польскаго и бурятскаго вопроса, при чемъ мѣриломъ сопоставленія онъ взялъ удѣльный вѣсъ въ культурномъ отношеніи польскаго и бурятскаго народовъ, и конечно, поляки и буряты оказались величинами несоизмѣримыми Но если взять, да перечислить только тѣ вопросы, которые въ правовомъ отношеніи

---

* Матеріалы: вып. 6. стр. 133.
** Полож. объ инор. ст. 33.

можно отнести къ одному порядку; — поляки, буряты, киргизы, калмыки: башкиры, татары, армяне, грузины, самоѣды, тунгусы — тогда... тогда польскій вопросъ, пожалуй, можетъ и потонуть среди другихъ однородныхъ вопросовъ, разрѣшаемыхъ нынѣ каждый съ особой точки зрѣнія, подъ угломъ интересовъ, не общегосударственныхъ, а съ субъективной точки зрѣнія того или другого лица, отожествляющаго свою точку зрѣнія съ общегосударственными цѣлями и задачами.

Для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ должно быть найдено общее мѣрило и такимъ мѣриломъ должно быть признано право, а не удѣльный вѣсъ или достоинство того или другого лица или группы лицъ. Иначе съ польскимъ вопросомъ повторится та-же исторія, что случилось съ шаманистами въ Сибири; мы будемъ приносить однѣ національности, почему либо намъ ненравящіяся, въ жертву другимъ, излюбленнымъ; и будемъ распылять государство и по вертикальной, и по горизонтальной линіямъ.

Не даромъ, Пушкинъ, никогда не занимавшійся національнымъ вопросомъ, съ одной стороны, и М. П. Драгомановъ, посвятившій всю свою жизнь

разработкѣ этого вопроса, съ другой, предъугадывали міровое значеніе за русскимъ языкомъ. Въ судьбѣ Россіи стихія играетъ большее значеніе, чѣмъ геній или таланты отдѣльныхъ личностей. Естественно-историческія и географическія условія великой россійской равнины и Сибири побуждаютъ народы, населяющіе эту территорію, образовать одно великое общежитіе; и въ условіяхъ современныхъ отношеній только право можетъ цементировать это общежитіе. Теперь, когда ростки права чуть—чуть только начали укрѣпляться въ зыбкой почвѣ, когда за усмотрѣніемъ мѣстныхъ представителей государственной власти еще признается цементирующее государственное единство значеніе въ большей степени, чѣмъ за правомъ, не можетъ быть осуществлена автономія Польши; напротивъ, даже автономія Финляндіи кажется чужеродным приростомъ на организмѣ имперіи, гдѣ буряты, киргизы, калмыки и другіе народы живутъ внѣ условій правовой жизни. Развѣ для ихъ рабьяго міровоззрѣнія не чуждо понятіе объ автономіи какого либо народа, входящаго въ составъ имперіи? Для этихъ инородцевъ важны элементарныя условія существованія; они къ государ-

ству предъявляютъ минимумъ требованій; и эти элементарныя требованія общежитія должны быть обезпечены правомъ.

Неприкосновенность личности. и собственность—буржуазныя слова; но не можетъ быть правового строя, пока лицо и его достояніе не будутъ ограждены отъ произвола и посягательства каждаго сильнаго, каждаго власть имѣющаго.

Для иллюстраціи отношенія къ народамъ, входящимъ въ составъ Россійской Имперіи, приведу «бѣглый ретроспективный взглядъ нашихъ работъ о калмыкахъ», сдѣланный Я. П. Дубровой въ его «Бытѣ калмыковъ ставропольской губерніи». *)

„Начали калмыки при ханѣ Хо-Урлюкъ правильно организованнымъ войскомъ громить наши окраины, разорили г. Астрахань; стали при Аюкъ-ханѣ подчинять себѣ подвластныхъ намъ кочевниковъ и грабить ихъ; вздумали при намѣстникѣ калмыцкаго ханства Убаши бѣжать въ предѣлы Китайской имперіи,—правительство наше встрепенулось, усмирило калмыковъ, лишило хановъ ихъ власти, раздѣлило

*) Извѣстія Общ. Арх. Ист. и Этногр. при Императорскомъ Казанскомъ Унив. т. XV, вып. 1—2. 1899 г.

калмыцкую орду на отдѣльныя владѣльческія княжества, поставило во главѣ ихъ полновластныхъ владѣльцевъ--нойоновъ, царившихъ до изданія закона 15 марта 1892 года, и... успокоилось.. Начались въ царствованіе Екатерины II-й грабежи, разбои и „прочія непотребства» включительно до разгрома крѣпостей и городовъ вмѣстѣ съ пугачевцами,—опять вспомнили про калмыковъ: послали въ улусы русскихъ администраторовъ контролировать дѣйствія найоновъ и власть своихъ агентовъ подкрѣпили воинскими командами. Затѣмъ въ концѣ уже восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія додумались, что воинская команда служитъ плохимъ насадителемъ культуры среди калмыковъ и написали проектъ о замѣнѣ командъ отъ войскъ вольнонаемными стражниками, но съ тѣмъ, чтобы сіи послѣдніе были при воинскомъ оружіи»... Хлынуло въ началѣ текущаго столѣтія широкой, всезахватывающей волной русское населеніе въ свободныя калмыцкія степи, прижало кочевниковъ, оттиснуло ихъ въ глубь степи, построило (безъ разрѣшенія на то, самовольно) массу селъ и деревень. составляющихъ теперь два уѣзда Медвѣженскій и Новогеоргіевскій—мы вновь пробудились. Въ видахъ удобствъ административнаго

управленія выдѣлили часть калмыцкаго народа—именно Больше-Дербетскій улусъ, изъ вѣдѣнія астраханской администраціи, привели въ извѣстность оставшееся отъ захвата количество земли, дали кочевникамъ душевой надѣлъ (тридцать десятинъ на душу), оставили частичку степи про запасъ, поставили болѣе или менѣе серьезную преграду поступательному движенію русскихъ переселенцовъ въ степь и... опять успокоились... Издали 23 апрѣля 1847 года неимѣющіе внутренней связи между собой жалкіе обрывки, именующіеся „положеніемъ объ управленіи калмыцкимъ народомъ“, дали этому «положенію» силу закона и... почили... Натолкнулись на безобразнѣйшее изъ явленій народной жизни—именно, что въ нашемъ отечествѣ, и даже не на окраинѣ, процвѣтаетъ еще крѣпостное право и существуютъ чуть-ли не владѣтельные князья среди калмыковъ—встрепенулись и закономъ 15 марта 1892 года уничтожили крѣпостничество среди калмыковъ, фиктивно пристегнули ихъ «по правамъ къ свободному сельскому населенію и—только».

«Успокоились», «опять успокоились», «почили» и «только»... таковы всегда и всѣ наши мѣропріятія по отношенію къ степнымъ народамъ, прош-

лое нашихъ заботъ о всѣхъ восточныхъ инородцахъ носитъ такой характеръ, какой г. Я. Дуброва нашелъ въ нашихъ заботахъ о калмыкахъ. Громъ не грянетъ—мужикъ не перекрестится. Наши законы о степныхъ народахъ писались подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ обнаружившейся неурядицы въ ихъ жизни, но проходилъ острый моментъ, болѣзнь сильными средствами загонялась внутрь и на поверхности все дѣлалось спокойно, тогда и мы забывали о томъ, что передъ тѣмъ казалось важнымъ, нужнымъ, угрожающимъ цѣлости государства; вмѣсто того чтобы принимать общія мѣры, мы предоставляли мѣстнымъ властямъ по ихъ усмотрѣнію накладывать пластыри на обнаруживающіяся на тѣлѣ язвы и раны. .

Русское законодательство объ инородцахъ представляетъ собою пеструю картину несогласованныхъ опредѣленій, отжившихъ или никогда неисполнявшихся требованій и этнографическихъ не имѣющихъ юридическаго значенія названій. Оно требуетъ коренной переработки. «Постановленія дѣйствующаго законодательства объ исключительной подсудности инородцевъ представляютъ собою яр-

кую и чрезвычайно пеструю картину заплатъ разной величины, формы и окраски на полиняломъ, но все еще характерномъ и весьма разнообразномъ фонѣ совершенно обособленной и замкнутой жизни инородческаго населенія».—Такъ говоритъ С. И. Трегубовъ,*) коснувшись той области законодательства, которою болѣе всего интересовалась государственная власть, областью уголовнаго права; государство было наиболѣе заинтересовано, чтобы его жизненные интересы были наилучше ограждены, чтобы посягательства и дѣянія, важныя съ точки зрѣнія правопорядка и интересовъ Имперіи, не были предоставлены области степнаго обычнаго права. И что же мы видимъ?

«Приложеніе V къ ст. 168 улож. о наказ. опредѣляетъ пространство дѣйствія постановленій сего уложенія для инородцевъ Сибири, самоѣдовъ Мезенскаго уѣзда и киргизовъ Сибири, Внутренней и Малой орды. Здѣсь мы встрѣчаемся съ такими неопредѣленными наименованіями преступныхъ дѣяній, какъ «возмущеніе», «насиліе» (конечно, не въ смыслѣ

*] Исключительная подсудность туземцевъ при дѣйствіи новаго угол. уложенія. Журн. Мин. Юст. 904 г. № 9.

142 ст. уст. о наказ., налаг. мир. суд., а какъ болѣе важное преступленіе, за которое инородцы судятся въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ), «баранта», «участіе въ злодѣяніи», «захватъ русскихъ» и т. п. Такъ же, какъ уставъ уголовнаго судопроизводства, это приложеніе V въ иныхъ случаяхъ перечисляетъ преступныя дѣянія, подсудныя общимъ судебнымъ мѣстамъ, въ другихъ даетъ рядомъ и перечень дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію инородческихъ судебныхъ и административныхъ установленій, но при этомъ часто оставляетъ пропущенными многочисленныя группы преступныхъ дѣяній. Особенно характерна въ этомъ отношеніи 4 статья I отдѣла приложе ія, постановляющая, что «якуты судятся по ихъ обычаямъ въ инородной управѣ окончательно по дѣламъ о кражѣ и мошенничествѣ, не превышающихъ тридцати рублей и учиненныхъ въ первый или второй разъ; по дѣламъ же о воровствѣ, на сумму свыше тридцати рублей или въ третій разъ учиненномъ подвергаются, суду по общимъ законамъ Имперіи». Гдѣ же они судятся и какъ отвѣчаютъ за всѣ остальныя преступныя дѣянія? Или, быть можетъ, вовсе не подлежатъ никакой отвѣтственности,

—если только не допустить предположенія, что якуты кромѣ кражъ и мошенничествъ другихъ преступленій и не совершаютъ вовсе. По статьѣ 3-ей того-же отдѣла «чукчи и другіе инородцы сибирскіе, составляющіе особый разрядъ, судятся по своимъ обычаямъ и обрядамъ и суду Россійскому подлежатъ только въ случаѣ убійствъ, насилій или корчемства, учиненныхъ внѣ предѣловъ обитаемыхъ ими земель». «Нежели-же за сопротивленіе властямъ, за убійство должностного лица въ предѣлахъ обитаемыхъ ими земель и т. п. чукчи должны судиться по своимъ обычаямъ?» Г. С. И. Трегубовъ отказывается приводить другіе курьезы приложенія къ ст. 168 улож. о нак., но приходитъ къ убѣжденію, «что на одномъ внѣшнемъ согласованіи съ новымъ уголовнымъ уложеніемъ дѣйствующихъ правилъ о подсудности инородцевъ остановиться нельзя».

Развѣ такое состояніе уголовнаго законодательства не даетъ простора шустрымъ администраторамъ издавать свои мѣстныя уголовныя уложенія въ родѣ приведенныхъ мною выше правилъ противъ пьянства, гдѣ злообычность въ пьянствѣ влекла за собою заключеніе въ смирительномъ

домѣ до исправленія? Подумать только—каждый инородецъ и имѣетъ свою особую подсудность: 1, якуты, 2, чукчи, 3, самоѣды мезенскаго уѣзда, Архангельской губ., 4 кочевые инородцы ставропольской губерніи, 5, кочевые и бродячіе сибирскіе инородцы, 6, киргизы малой орды, 7 сибирскіе киргизы, 8, киргизы внутренней орды, обитающіе въ степяхъ между оренбургской и астраханской губерніями, 9, горское населеніе терской и кубанской области, 10, горское населеніе Дагестанской области, 11 туземное поселеніе закатальскаго округа и проживающіе въ немъ туземцы Дагестанской области, 12, туземное населеніе Карской области и Батумскаго и Артвинскаго округовъ, 13, туземцы туркестанскаго и степного генералъ-губернаторства, 14, инородцы забайкальской области, и 15, туземцы закаспійской области.

Вотъ сколько подсудностей! Поди, разберись въ правахъ, граждане россійской имперіи!

Каждый народецъ предоставленъ самому себѣ, но еще хуже того: онъ имперскимъ закономъ предоставленъ въ безконтрольную власть своихъ судебныхъ и административныхъ властей, «пріемлемыхъ въ значеніи

старшаго лица, какъ будто-бы родъ составлялъ одно семейство». Все дикое и жестокое, что примѣняютъ эти патріархальные администраторы, именуется взысканіемъ, «за маловажные проступки по обычаямъ каждаго племени и въ качествѣ домашняго исправленія».

Куда-же дальше идти въ отказѣ защиты личности, если убійство въ предѣлахъ кочевьевъ, какъ у чукчей, признается закономъ исковымъ дѣломъ!

Неудивительно, что инородцы Мелецкой инородной управы (Ачинскаго уѣзда, Енисейской губ.) въ одномъ общественномъ приговорѣ 1875 года, опредѣлили, что «по ихъ обычаямъ и законамъ существуетъ у нихъ мѣра взысканія съ виновнаго и недолжностного инородца слѣдующая: или въ наказаніи его розгами, смотря по винѣ и сколько заблагоразсудится судьямъ, а можно даже и такъ, чтобы виновный остался только живымъ трое сутокъ послѣ наказанія, или въ собственноручномъ битіи его за волосы и кулаками почему попало, кромѣ вредныхъ частей тѣла, всѣми инородцами, находившимися при судѣ, поперемѣнно, или, наконецъ, во взысканіи иска съ виновнаго со штра-

фомъ: скота, звѣриныхъ шкуръ и денегъ, въ пользу просителя и судей, по ихъ же произволу.» *)

Не наступило-ли время оградить степныхъ россійскихъ гражданъ отъ такихъ способовъ поддержанія мира въ ихъ кочевьяхъ?

Скажутъ: дитя не плачетъ,— мать не разумѣетъ! Сами инородцы не заявляютъ о своихъ нуждахъ; они молчатъ; въ сохраненіи своихъ отжившихъ учрежденій, примѣняющихъ дикое и жестокое, они видятъ лишь сохраненіе своихъ національныхъ началъ, разрушенія которыхъ болѣе всего опасаются.

Прежде всего, инородцы не имѣютъ органовъ, которые могли бы заявлять и ходатайствовать объ ихъ нуждахъ; ихъ общественныя власти, отправляющія должностныя повинности, такъ забиты и принижены, что не могутъ быть представителями и звщитниками интересовъ своихъ подвластныхъ родовичей.

Русское государство въ своихъ мѣропріятіяхъ по отношенію къ степнякамъ являлось всегда злою мачехою; рѣшительныя и крутыя мѣры стихій-

---

*) Д. Лапо Преступл. и наказ. по степн. праву сиб. кочев. инор. Красноярскъ 1905. Стр. 15.

наго характера убили въ значительной степени въ инородцахъ вѣру въ него; они забились въ скорлупу своей степной жизни и живутъ въ трепетѣ и страхѣ, опасаясь какого-либо новаго рѣшительнаго эксперимента надъ ними со стороны государственной власти...

Не пора ли приступить къ установленію правовыхъ отношеній въ степной жизни, какъ и вообще въ области нашего обычнаго права, гдѣ сословные суды творятъ расправу, руководствуясь не закономъ, не обычнымъ правомъ, а усмотрѣніемъ лицъ; случайно занявшихъ судейскія скамьи, смотрящихъ на отправленіе правосудія, какъ на тяжелую повинность, при исполненіи которой необходимость репрессіи превалируетъ; оно затемняетъ сознаніе объ общегосударственныхъ интересахъ и о необходимости соблюдать элементарную справедливость при столкновеніи разнообразныхъ правъ и интересовъ.

Трагизмъ русской жизни заключается въ томъ, что здѣсь область обычнаго права, гдѣ безгранично царство произвола, неизмѣримо обширнѣе царства закона, съ которымъ все-таки хоть немного, хоть въ малой степени, церемонятся и показываютъ

видъ, что соблюдаютъ его. Кропотливая и незамѣтная работа по утвержденію законности въ Россіи, по утвержденію права; для всѣхъ понятнѣе, кажется болѣе нужнымъ разрѣшеніе вопроса о порто франко въ устьяхъ Оби и Енисея, объ увеличеніи числа депутатовъ въ Государственную Думу отъ Сибири; конечно, это все нужно. Оживленіе сѣвера, связь съ міромъ чрезъ сѣверныя устья, увеличеніе рабочей силы въ законодательномъ учрежденіи—нужно; но царство безправія, забитость народныхъ массъ, необъятная территорія требуетъ иныхъ эффектовъ; здѣсь тонутъ громкія рѣчи, эффектные призывы... Здѣсь нынѣ необходима тонкая, незамѣтная, филигранная работа по выясненію и выработкѣ правовыхъ нормъ, по ихъ примѣненію и утвержденію...

XIV.

Значеніе для Россіи инородческаго вопроса, великое его значеніе, очевидно. Что еще надо, если всѣ граждане Россійской имперіи дѣлятся въ отношеніи народностей, къ которымъ принадлежатъ, на народность государственную и негосударственныя народности! Среди подлежащихъ рѣше-

нію проблеммъ русскаго государства, едва-ли не труднѣйшая децентрализація управленія и законодательства. Развѣ нынѣ уже не выдвигается національно-областническая теорія, какъ наиболѣе цѣлесообразная для Россіи въ интересахъ всѣхъ народностей, входящихъ въ составъ государства?

Но въ данномъ случаѣ не эти вопросы интересуютъ меня; я хочу обратить вниманіе на такія явленія, которыя кажутся незамѣтными, потому что всѣ къ нимъ привыкли. Я остановлюсь не много на одномъ вопросѣ, который своимъ существованіемъ культивируетъ безправіе въ русской государственной жизни. Здѣсь стирается грань между юридической и физической невозможностями; дозволено, что можно совершить, чему нѣтъ непреодолимыхъ физическихъ препятствій.

Въ Привислянскихъ губерніяхъ дѣйствуетъ кодексъ Наполеона; частная собственность, свобода договора. Чѣмъ дальше отъ Вислы вы подвигаетесь на востокъ, тѣмъ болѣе и болѣе стираются въ нѣкоторомъ отношеніи понятія о частной собственности, о свободномъ договорѣ Наконецъ Россійская низменность съ сѣвера, востока и юга окаймлена необъятными

пространствами земли, находящейся во владѣніи цѣлыхъ племенъ и народовъ. Здѣсь уже нѣтъ частной недвижимой собственности; нѣтъ и свободы договора. Наймы сибирскихъ инородцевъ въ частную работу производятся съ вѣдома родового начальства на основаніи особыхъ правилъ (38 ст. пол о сибир. инор.)

Кажется, законъ достаточно ясно опредѣляетъ отношеніе кочевыхъ инородцевъ къ занимаемымъ имъ землямъ и какъ будто становится на защиту ихъ интересовъ. Такъ: по положенію о сибир. инородцахъ, кочевые инородцы для каждаго поколѣнія имѣютъ назначенныя во владѣнія земли; подробное раздѣленіе участковъ сихъ земель зависитъ отъ самихъ кочующихъ, по ихъ обычаямъ (ст. 34). Строго запрещается русскимъ самовольно селиться на земляхъ, во владѣніе инородцамъ отведенныхъ (ст. 37). Уставъ объ управленіи инородцевъ въ Сибири 1822 года § 20-мъ, котораго теперь нѣтъ въ положеніи о сибирскихъ инородцахъ, опредѣлялъ, что «владѣемыя нынѣ осѣдлыми инородцами по древнимъ правамъ земли утверждаются за ними». Точно также калмыки Астраханской и Ставропольской губ. владѣютъ зем-

лями, отведенными отъ казны, на правѣ общаго пользованія (443 ст.). Киргизы Степныхъ областей безсрочно пользуются на основаніи обычаевъ землями, занимаемыми ихъ кочевьями; и только излишнія для нихъ земли поступаютъ въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ (ст. 120 степ. полож.).

Но какими средствами защиты обладаютъ кочевые инородцы отъ разныхъ посягательствъ на владѣемыя ими или находящіяся въ ихъ безсрочномъ обществен. пользованіи земли? Кому-неизвѣстна соблазнительная легкость завладѣнія землями кочевниковъ?

Литература хищенія инородческихъ земель дала не мало крайне удручающихъ картинъ царства произвола, безправія и преступныхъ злоупотребленій на почвѣ юридической беззащитности кочевниковъ.

Башкирскія земли... Калмыцкія земли... Киргизскія земли...

Теперь, когда я пишу эти строки, среди бурятъ, киргизовъ, среди инородцевъ Енисейской губ. пошли тревожные слухи, что у бурятъ, киргизовъ, у минусинскихъ инородцевъ предположено нарѣзать земли для переселенцевъ изъ Россіи, и буряты, киргизы, минусинскіе инородцы (та-

тары) подумываютъ перекочевать въ предѣлы Китайской имперіи въ Манчжурію, въ Уранхойскую землю, Монголію. Само собою разумѣется, переселеніе въ Китай бурятъ, киргизъ, согайцевъ и качинцевъ сильно отразится на всемъ коммерческомъ и торгово-промышленномъ оборотѣ, но кочевникъ иначе не можетъ бороться съ легальными и нелегальными захватами его кочевій...

Здѣсь предполагается занятіе земель кочевыхъ инородцевъ въ интересахъ переселенія, вызываемое якобы интересами государственной необходимости.

Но вѣдь то массовое движеніе на Востокъ, ослабляющее культурную интенсивность въ центрѣ, которое наблюдается не только во 2-ой половинѣ XIX столѣтія, когда появилась земельная тѣснота, наблюдается на пространствѣ всей исторіи Россіи. На захватъ инородческихъ кочевій стремилось часто не одно мирное населеніе, гонимое земельнымъ голодомъ; туда укрывались отъ законной кары преступники, всѣ непомнящіе родства, любители легкой наживы, искатели приключеній.

Какими же средствами это марное и немирное появленіе захватывало

землю, присвоивало ее у русскихъ же подданныхъ, которыхъ русскій же законъ долженъ былъ охранять отъ всякаго самоуправства, насилія и гарантировалъ имъ безсрочное пользованіе землею?

Г. Я. П. Дуброва такими чертами рисуетъ захваты калмыцкихъ земель, поведшіе къ образованію двухъ богатѣйшихъ въ Ставропольской губерніи уѣздовъ: Медвѣженскаго и Новогеоргіевскаго: «русскіе переселенцы, сами, безъ чьей бы то ни было посторонней помощи, только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ вступая въ борьбу съ командами, выгнали послѣднихъ изъ ихъ кочевій, самовольно поселились въ степи, сначала хуторами, а за тѣмъ и цѣлыми многолюдными, растянувшимися на нѣсколько верстъ селами и захватывали въ свое пользованіе столько земли, сколько хотѣлось, а не сколько нужно было». «Задабриваемое начальство русскаго и калмыцкаго толка, игнорируя интересы калмыковъ, смотрѣло сквозь слишкомъ темныя очки на поступательное движеніе переселенцевъ и, послѣ совершившагося факта заселенія той или другой степной мѣстности, какъ бы вынужденное къ тому «экономическими соображеніями», за-

крѣпляло землю за поселенцами, оффиціально оправдываясь тѣмъ, что «нельзя же цѣлыя массы семействъ выгонять, разрушать постройки и тѣмъ приводить въ окончательное разореніе захватывателей калмыцкихъ степей.» Суть дѣла заключалась, разумѣется, не въ этихъ, отчасти справедливыхъ и, во всякомъ случаѣ, гуманныхъ соображеніяхъ, а въ «сотельныхъ». Дѣло теперь прошлое, хотя и не особенно далекое по времени, крестьяне уже «крѣпко и нерушимо сидятъ» на захваченныхъ ими мѣстахъ, почему, вспоминая старину, и не стѣсняются разсказывать со всѣми подробностями дѣла— кому и въ какихъ палатахъ и канцеляріяхъ и сколько было «отвалено сотельныхъ» (сторублевыхъ), дабы зажать рты твари», т. е. заставить калмыковъ молчать и безпрепятственно селиться на ихъ земляхъ. «Сотельныя» были такимъ могучимъ орудіемъ въ рукахъ переселенцевъ, что даже Высочайшія повелѣнія оставлялись «втуне» и не имѣли желательнаго воздѣйствія на лакомыхъ къ «сотельнымъ» ставропольскихъ и астраханскихъ заправилъ калмыками и ихъ кочевьями». «И нѣтъ, разумѣется, ничего удивительнаго, что дѣятели по отчужденію

калмыцкихъ земель въ пользу переселенцевъ не только наживали «солидныя состоянія», но даже прославились среди крестьянскаго населенія, и не только въ Ставропольской губ., но и далеко за предѣлами ея. Ихъ знали и въ Курской, и въ Орловской, и въ Тамбовской, и во всѣхъ южныхъ губерніяхъ. Съ ними велась «откровенная» переписка, чрезъ посредство которой составлялись «сдѣлки», къ нимъ посылали ходоковъ и затѣмъ, сторговавшись, переселенцы уже «навѣрняка» такъ или иначе снимались съ насиженныхъ мѣстъ и шли «въ калмычину» *)

Правда, характерная картина широкаго распространенія атмосферы безправія! Какія разнообразныя слои населенія она захватила! Инородцы — калмыки, третируемые какъ «тварь», неимѣющая человѣческой души; чиновники пріобрѣтатели, умножающіе «сотельными» свое благосостояніе. Крестьяне и Курской, и Орловской. и Тамбовской, и всѣхъ южныхъ губерній, потерявшіе вѣру въ право, въ законъ, а питающіе надежду на силу однѣхъ сотельныхъ, какъ на твердокаменную скалу, да на развращен-

---

*] Я. П. Дуброва Ibid стр. 21 и слѣд.

чость и испорченность мѣстной администраціи, которую не трудно купить; къ этимъ категоріямъ населенія, выпукло выступающимъ на фонѣ нашей дѣйствительности, гдѣ стерты грани между правомъ и усмотрѣніемъ, надо прибавить арміи разныхъ посредниковъ, умѣющихъ дать, умѣющихъ взять... И въ заключеніе правда торжествуетъ, гуманность находитъ себѣ примѣненіе: «нельзя же цѣлыя массы семействъ выгонять, разрушать постройки и тѣмъ приводить въ окончательное разореніе захватывателей калмыцкихъ степей.» Такъ преступный произволъ покрывается произволомъ гумманности. А куда же дѣвалось право? Почему же по отношенію къ «твари» не находятъ возможнымъ примѣнять начала гуманности, справедливости и... права?

Тварь и есть тварь, и русскій православный мужичекъ, представитель государственной народности, усвоилъ себѣ твердо взглядъ на кочевого или бродячаго инородца, какъ на тварь, созданную ему на потребу.

— Вотъ тварь! какъ ее не скуби, а она все обрастаетъ!—говорятъ крестьяне сѣверныхъ уѣздовъ Томской, Енисейской и другихъ губерній, гдѣ русское населеніе соприкасается съ

тундрами, по которымъ бродятъ звѣроловы остяки, тунгусы. И скубятъ же эту тварь! Она, эта двуногая тварь, находится въ рабствѣ у русскихъ крестьянъ, придвинувшихъ свои поселенія къ самымъ кочевьямъ сѣверныхъ инородцевъ и поставившихъ свои зимовья на ихъ путяхъ и выходахъ. Всѣ сѣверные инородцы братски подѣлены между русскими мужичками-торговцами. Каждый крестьянскій дворъ имѣетъ право «скубти» опредѣленнаго «друга» —инородца. Самъ инородецъ не можетъ совершить сдѣлки съ другимъ крестьяниномъ кромѣ «друга»: даже пить водку, ходить въ гости къ другому лицу безъ позволенія «своего друга» инородецъ не можетъ. «Другъ»—русскій можетъ продать или пропить своего «друга»—инородца. Инородецъ такимъ путемъ пріобрѣтаетъ себѣ другого «друга»-русскаго; и уже этотъ «другъ»—русскій будетъ «скубить» пріобрѣтеннаго за бутылку водки или опредѣленную сумму денегъ «новаго друга»—инородца.

Широкое распространеніе по лицу русской земли безправія создаетъ надлежащую психологію; русскій человѣкъ, гражданинъ, привыкаетъ, свыкается съ картинами произвола, са

моуправства; онъ не возмущается при видѣ оскорбленной личности, попраннаго права; даже болѣе, онъ не видитъ средствъ, при помощи которыхъ можно и нужно бороться съ господствующими порядками, ставшими обычаемъ, съ которымъ всѣ сжились.

«Для успѣшнаго руководства переселенческимъ дѣломъ административная власть должна быть облечена широкими полномочіями, оставаясь ограниченной велѣніями закона лишь общаго характера, гарантирующими, при внутреннихъ переселеніяхъ, во-первыхъ, неприкосновенность права того района, куда направляется переселенческая волна, во-вторыхъ,— полученіе эмигрантами достаточнаго для обезпеченія ихъ земельнаго фонда». Это выписка изъ статьи Андроникова: «Колонизація Сибири въ связи съ землеустройствомъ мѣстнаго населенія» въ № 2 сборника: «Вопросы Колонизаціи».

Развѣ въ этой выпискѣ-программѣ не заключается апологія произвола? Какими-же еще болѣе широкими, чѣмъ нынѣ, полномочіями должна быть облечена административная власть для успѣшнаго руководства переселенческимъ дѣломъ? Какіе во-

просы и споры нынѣ подлежатъ рѣшенію судебной власти въ переселенческомъ дѣлѣ? И нынѣ не подсудны судебной власти нарушенія административными властями, вѣдающими переселенческое и землеустроительное дѣло, правъ населенія того района, куда направляется переселенческая волна. Что разумѣетъ г. Андрониковъ въ переселенческомъ дѣлѣ «велѣніями общаго характера»? И какую административную власть онъ имѣетъ въ виду? Министра? топографа? производителя работъ? завѣдующаго переселеніемъ? крестьянскаго начальника?

Для иллюстраціи «широты полномочій» административной власти въ разсматриваемомъ вопросѣ приведу сравненіе. Всякому извѣстно, съ какими трудностями городскимъ и земскимъ общественнымъ учрежденіямъ удается произвести въ области ввѣреннаго имъ управленія для нуждъ того-же управленія перепись или какое либо статистическое обслѣдованіе; но опять таки поражаетъ легкость, съ какими органами, вѣдающими переселеніе и землеустройство, устраиваются экспедиціи и изслѣдованія огромныхъ районовъ, населенныхъ и ненаселенныхъ; и чего только не включается въ

программу этихъ изслѣдованій: ботаника, почва, торговля, религія, повѣрья, археологія!..

Кто контролируетъ эти изслѣдованія, ведущія къ фантастическимъ проектамъ заселенія Сибири? Широта полномочій и безконтрольность хозяйничанья чиновъ, имѣющихъ отношеніе къ переселенію, и самихъ чиновъ уже становится притчею во языцѣхъ; но проникнуть общественному контролю въ эту замкнутую сферу отношеній невозможно, и не только общественному живому контролю; даже бумажный казенный контроль въ этой области, гдѣ все спутано, гдѣ каждый чинъ безконтрольный хозяинъ, не имѣетъ никакого реальнаго значенія.

И этого еще мало! нѣтъ еще широты полномочій! Волны безправія и произвола, бушующія на простотѣ сибирской тайги, степей, инородческихъ кочевій, питая своими судорожными движеніями, съ одной стороны, хищническія вожделѣнія крайнихъ реакціонныхъ партій, а съ другой, утопическія, несбыточныя чаянія крайнихъ лѣвыхъ, пресловутую диктатуру пролетаріатовъ, въ русской передѣлкѣ,— своими брызгами достигаютъ верховъ интеллигенціи, воспитающейся не въ

условіяхъ правовой жизни, не въ уваженіи къ чужому праву; а въ ней, нашей интеллигенціи, идущей преимущественно на службу государству, культивируется принципъ «неограниченныхъ возможностей».

Для нее, нашей интеллигенціи, посвятившей свою дѣятельность государственной и негосударственной службѣ, служитъ досаднымъ тормазомъ законъ, судебный контроль, контроль общественнаго мнѣнія, потому что она воспиталась въ условіяхъ «неограниченныхъ возможностей».

Такая школа воспитываетъ нашихъ администраторовъ! Лѣвый общественный дѣятель, отвергающій всякіе законы, готовый опрокинуть всяческія правовыя нормы для достиженія своихъ идеаловъ, переходитъ въ ряды бюрократіи, и уже не стѣсняясь законными преградами, ограждающими мирную обывательскую жизнь, безнаказанно нарушаетъ бумажные законы, ибо всѣ эти нарушенія минуютъ безпристрастное изслѣдованіе судебной власти...

Передвигающееся по лицу земли русской чиновничество вездѣ создаетъ одинаковые нравы...

Вездѣ гордятся тѣмъ, что готовы принять какую угодно кару за пре-

вышеніе власти, зная хорошо, что никакого наказанія за сіе не послѣдуетъ; но никакой чинъ не позволитъ умаленія своей власти со стороны, конечно, обывателя...

XV.

Изъ этихъ бѣглыхъ замѣтокъ видно, что Россійская Имперія въ условіяхъ стараго порядка шла по пути распыленія; не нормы права, не законъ устанавливали связь окраинъ съ государствомъ, а лица, поставленныя во главѣ мѣстнаго управленія; усмотрѣніе замѣняло законъ. Въ одной части государства при такихъ условіяхъ прививался и развивался буддизмъ, въ другой исламъ; какъ буддизмъ, такъ и исламъ имѣютъ свои центры культуры, внѣ Россіи. Само собой разумѣется, что задачею государства не можетъ быть подавленіе той или иной культуры; но въ то же время государство должно дать правовыя условія для мирнаго сожительства различныхъ культуръ, не противныхъ цѣлямъ общежитія.

Участіе въ государственной жизни важнѣйшій факторъ для образованія государственно-національнаго единства. Само собой разумѣется, если русское

госу арство съумѣетъ обезпечить за каждымъ своимъ гражданиномъ какъ элементарныя условія правовой защиты лица и имущества, такъ и возможность культурнаго развит я, то уже не можетъ быть рѣчи о внѣшнихъ тяготѣніяхъ гражданъ, объ ихъ стремленіи образовать или самостоятельные очаги политической жизни, или присоединиться къ другимъ политическимъ организмамъ, готовымъ удовлетворить всѣ естественныя потребности данной стадіи культурнаго развитія того или другого народа. Древнія монархіи не могли разрѣшить этой проблемы, онѣ существовали, пока не заканчивался механическій процессъ собиранія племенъ и народовъ въ предѣлахъ естественныхъ географическихъ границъ, а затѣмъ распадались: или сатрапы дѣлались автократами, или внѣшній непріятель легко справлялся съ государствомъ, части котораго были спаяны не правомъ, не общей культурой, а представителями верховной власти, дѣйствующими по своему усмотрѣнію, оторванными отъ народныхъ массъ и ихъ интересовъ.

Прежде всего необходимо разстаться съ пагубнымъ заблужденіемъ, что для степныхъ народовъ наилуч-

шее благо оставаться при ихъ степныхъ обычахъ, что государственная власть не должна вмѣшиваться во внутреннія отношенія кочевыхъ и бродячихъ инородцевъ, предоставляя имъ обособленное существованіе. Право—элементъ государственной жизни, а не родового строя. Поэтому государство должно обезпечить правовую защиту за всѣми гражданами, блага государственной жизни должны распространяться на всѣхъ гражданъ. Если рабство, тѣлесныя наказанія, лишеніе свободы, самоуправство признаются дѣяніями, находящимися въ противорѣчіи съ началами современной культуры, легшими въ основаніе современнаго государственнаго общежитія, то они, эти институты, не должны быть терпимы на всей территоріи государства.

Существующіе степные порядки—это полное безправіе, это царство произвола,—выгодны только немногочисленной кучкѣ степныхъ богатеевъ, богатырей, владѣльцевъ тысячныхъ табуновъ лошадей и стадъ скота и овецъ; они держатъ въ рабской зависимости отъ себя обездоленную степную массу; всѣ невзгоды степной жизни они взваливаютъ на русское имперское владычество, но и собст-

венный произволъ, всѣ жестокости, практикуемыя ими по отношенію къ невѣжественной и забитой народной массѣ, они оправдываютъ «закономъ»; получаемыя ими медали за службу въ должностяхъ церковныхъ старостъ, блюстителей начальныхъ училищъ, головъ инородныхъ управъ они умѣютъ использовать въ собственныхъ интересахъ, какъ награды за проведеніе той или иной мѣры, которая имъ не поручалась государственною властью, но которую они по своему произволу нашли необходимымъ осуществить въ степной жизни, при чемъ передъ русской властью оправдываются «степными обычаями», а передъ степняками русскимъ закономъ.

И не смотря на такую анархію въ степной правовой жизни, чаянія обездоленныхъ степныхъ народныхъ массъ направлены къ имперской Верховной власти; народныя массы ждутъ своего избавленія; онѣ еще надѣются, что именно законъ принесетъ имъ избавленіе отъ господства произвола, что законъ вырвалъ ихъ изъ хищнической эксплоатаціи степныхъ богачей, захватившихъ въ свои руки всѣ степныя богатства: степь, мочаги, лошадей, скотъ, власть, почетъ...

И святой долгъ Государственной Думы утолить правовую жажду степныхъ народныхъ массъ, отнесенныхъ закономъ къ сословію кочевыхъ и бродячихъ инородцевъ, и оградить ихъ отъ эксплоатаціи хищниковъ различныхъ національностей. Задача эта не легкая; но сибирская группа членовъ Государственной Думы должна оправдать свое существованіе; именно, она должна взять на себя иниціативу возбужденія и разработки разсматриваемаго мною вопроса; она должна выяснить все государственное значеніе инородческаго вопроса. Кое-что можно сдѣлать и попутно при разрѣшеніи Государственной Думой очередныхъ вопросовъ, уже внесенныхъ правительствомъ на ея разсмотрѣніе.

При обсужденіи закона о неприкосновенности личности необходимо обратить вниманіе на то, чтобы неприкосновенность личности нашла себѣ примѣненіе въ области дѣйствія судовъ разныхъ наименованій (словесная расправа, посредники, управленіе, народные суды и др.), которымъ подвѣдомственны различные инородцы, имѣющіе особенное управленіе, отличное отъ управленія природныхъ русскихъ. Въ частности по отноше-

нію къ сибирскимъ кочевымъ инородцамъ должна быть подвергнута пересмотру 140 ст. полож. о сибир. инор., предоставляющая родовому старостѣ взыскивать за маловажные проступки по обычаямъ каждаго племени и въ качествѣ домашняго исправленія. Это правило должно быть согласовано съ 41 ст. пол. о крестьянскихъ и инородческихъ начальникахъ, которымъ предоставлено подвергать лицъ, подвѣдомственныхъ инородческому управленію, за неисполненіе законныхъ требованій или постановленій другихъ правительственныхъ властей, за нарушеніе общественной тишины и за грубость къ властямъ аресту на время не свыше трехъ дней или денежному взысканію не свыше пятнадцати рублей или распорядиться привлеченіемъ виновныхъ къ отвѣтственности въ общеустановленномъ порядкѣ. Антигосударственный характеръ приведенныхъ законовъ, отрицающихъ право личности, сразу бросается въ глаза: для сибирскихъ кочевыхъ инородцевъ общеустановленный порядокъ отвѣтственности за ссору, драку, буйство—взысканіе родового старосты въ качествѣ домашняго исправленія и по обычаямъ племени. Гдѣ здѣсь граница усмотрѣнію

родового старосты? Гдѣ здѣсь какой нибудь порядокъ? *)

Само собой разумѣется, область примѣненія различныхъ особенныхъ судовъ—словесной расправы, народныхъ судовъ, посредниковъ должна быть сужена по возможности, и поэтому должна быть пересмотрѣна исключительная подсудность инородцевъ разныхъ поименованій. Такія дѣянія, какъ напр., задержаніе и заключеніе, похищеніе людей, кража, грабежъ, тяжкія тѣлесныя поврежденія, мошенничество—не должны относиться къ исковымъ дѣламъ...

Манифестъ 11 августа 1904 года отмѣнилъ тѣлесныя наказанія, установленныя по закону за проступки для сельскихъ обывателей, инородцевъ, а также другихъ лицъ, не изъятыхъ отъ сихъ наказаній по правамъ состоянія или особымъ узаконеніямъ. Дикія и жестокія тѣлесныя наказанія, практикуемыя на основаніи обычнаго права разныхъ инородческихъ племенъ, не должны имѣть примѣненія на территоріи Россійской Имперіи. Примѣненіе ихъ сразу силь-

---

*) Д. Е. Лаппо. Преступленія и наказ. по степн. праву Сиб. кочев. инор. Красн. 1905 стр. 12.

но съузится, какъ только многія преступныя дѣянія будутъ перенесены изъ области исковыхъ дѣлъ въ область дѣлъ уголовныхъ, подсудныхъ имперскимъ судамъ. Но и за всѣмъ тѣмъ должны быть поставлены предѣлы отеческой дискреціонной власти родового старосты, почему должна быть указана высшая мѣра взысканія, которой онъ можетъ подвергать подвѣдомственныхъ ему инородцевъ за маловажные проступки, при чемъ тѣлесныя наказанія не должны входить въ лѣстницу степныхъ взысканій.

Степныя народныя массы нуждаются въ раскрѣпощеніи; онѣ ждутъ своего раскрѣпощенія, надѣются еще на имперскую власть, на новый законъ, который выработаютъ новыя законодательныя учрежденія. При обсужденіи проекта закона о неприкосновенности личности необходимо пересмотрѣть и отмѣнить такіе архаизмы, какъ 618 и 620 ст. ст. Уст. о прям. нал., предоставляющія администраціи въ цѣляхъ понужденія къ платежу ясака, между прочимъ, задерживать родового старосту, его сына или ближняго родственника, или задерживать части звѣриныхъ шкуръ, привезенныхъ въ продажу.

Важнѣйшіе законопроекты, затрагивающіе степную жизнь и могущіе упорядочить степныя отношенія, — преобразованіе судебныхъ установленій Имперіи, аграрная реформа и реформа мѣстныхъ установленій.

Ихъ не должны пропускать члены Государственной Думы, избранные отъ сибирскихъ губерній и областей. Важность инородческаго вопроса для Россіи вызываетъ необходимость образованія особой думской комиссіи для его разработки. Задача Государственной Думы установлять правовыя нормы, поэтому, казалось бы, на выясненіе и разработку правовыхъ вопросовъ наиболѣе обездоленнаго сословія должно обратить особенное вниманіе; если Государственная Дума нашла необходимымъ образовать старообрядческую комиссію, то тѣмъ болѣе необходима особая комиссія для порученія и выясненія правовыхъ условій жизни отличающагося образомъ управленія отъ природныхъ русскихъ обывателей населенія Россійской Имперіи, среди котораго переплетаются вѣрованія буддійское, шаманизмъ, исламъ, православіе...

Думская инородческая комиссія въ значительной степени облегчитъ работу Государственной Думы при

обсужденіи и рѣшеніи ею важнѣйшихъ законопроектовъ русской жизни: преобразованія судебной части, аграрной реформы и мѣстнаго управленія.

Инородческія судебныя установленія представляютъ собой сплетеніе различныхъ чисто случайныхъ наслоеній, вызванныхъ въ свое время къ жизни не интересами правосудія, а задачами внутренней политики. Область примѣненія общихъ судебныхъ учрежденій тонетъ въ массѣ спеціальныхъ и особенныхъ судовъ, административныхъ распоряженій и особенныхъ порядковъ судопроизводства и подсудности... Предъ инородческой комиссіей должна лежать задача выяснить возможность или совершеннаго уничтоженія словесной расправы и иныхъ народныхъ судовъ кочевыхъ инородцевъ, или въ крайнемъ случаѣ возможное съуженіе ихъ примѣненія, причемъ для всѣхъ такихъ судовъ должны быть выработаны цѣлесообразныя несложныя процессуальныя правила, гарантирующія отъ произвола судей личную и тѣлесную неприкосновенность лицъ, подвѣдомственныхъ означеннымъ судомъ.

Государственная Дума въ своей формулѣ перехода къ очереднымъ

дѣламъ, вызванной запросомъ 6 апрѣля 1908 года по переселенческимъ мѣропріятіямъ, признала, что мѣропріятія главнаго управленія по организаціи переселенческаго дѣла не обезпечиваютъ интересовъ переселенцевъ и нарушаютъ интересы коренного населенія Сибири.

Инородческая комиссія должна выяснить права инородцевъ разныхъ наименованій на владѣемыя ими земли и условія и формы ихъ землепользованія.

Необходимо отрѣшиться отъ тѣхъ способовъ, которыми пользовалась Московская Русь въ дѣлѣ добыванія земли. Право и законные интересы инородцевъ, кочевыхъ, бродячихъ и осѣдлыхъ должны быть ограждены. Сами инородцы лишены средствъ законной защиты своихъ интересовъ; ихъ общественные органы управленія находятся въ слишкомъ большой зависимости отъ правительственныхъ органовъ. Въ этой области работа инородческой комиссіи должна начаться съ выясненія историческихъ наслоеній русскаго законодательства по отношенію къ инородческимъ землямъ, къ разграниченію распоряженій мѣстныхъ властей отъ распоряженіи, получившихъ санкцію Верховной власти. Должны быть соблюдены тѣ обязательства и

обѣщанія, данныя инородцамъ разныхъ наименованій при принятіи ихъ въ русское подданство Верховною Властью. Послѣ выясненія и установленія правъ инородцевъ на владѣемыя ими земли необходимо выяснить интересы ихъ, какъ коренного населенія Сибири. Условія кочевого быта, свойство земельныхъ угодій, дифференціація населенія по классамъ--должны быть приняты во вниманіе при выясненіи интересовъ мѣстнаго населенія тѣхъ областей, куда можетъ быть двинута волна переселенческаго движенія или которыхъ долженъ коснуться земельный законъ.

Самая организація учрежденій, вѣдающихъ землеустроительное и переселенческое дѣло, должна быть такова, чтобы возстановленіе нарушеннаго права или интереса коренного населенія Сибири было возложено на независимыя установленія отъ властей, вѣдающихъ переселенческое и землеустроительное дѣло, заинтересованныхъ лишь въ скорѣйшемъ и гладкомъ осуществленіи правительственныхъ мѣропріятій, проводившихся посредствомъ гибкихъ и измѣнчивыхъ циркулярныхъ указаній, не всегда согласныхъ съ твердыми нормами закона, обязательнаго для всѣхъ, какъ

велѣнія законодательныхъ установленій.

Едвали нужно останавливаться на томъ, что для всѣхъ очевидно: на необходимости скорѣйшаго осуществленія реформы мѣстнаго управленія въ Сибири. Это вопросъ назрѣвшій вполнѣ; введеніе въ Сибири земскихъ учрежденій болѣе сблизитъ эту страну съ коренной Россіей, чѣмъ всякія исключительныя положенія или управленія генералъ-губернаторовъ, которыя, точно клинъ, врѣзываются между мѣстными и центральными учрежденіями, окрашивая всѣ публично-правовыя отношенія управленія налетомъ субъективныхъ распоряженій и мнѣній, съ которыми не можетъ не считаться центральная власть.

Земскія учрежденія явятся наиболѣе близкой властью къ населенію, при томъ властью, предметомъ которой будутъ главнымъ образомъ мѣстныя пользы и нужды; тогда степные народы Сибири поймутъ, что государственная власть озабочена ихъ интересами, ихъ благоустройствомъ и благосостояніемъ.

Члены Государственной Думы, избранные отъ Сибири, должны заранѣе подготовиться къ обсужденію въ Государственной Думѣ указанныхъ мною

вопросовъ. Введеніе въ Сибири земскихъ учрежденій важно и необходимо, какъ въ интересахъ мѣстнаго населенія, которое само явится тогда выразителемъ своихъ нуждъ и интересовъ, такъ и въ интересахъ общеимперскихъ: только съ введеніемъ въ Сибири земскихъ установленій законъ можетъ явиться нормой отношеній въ Сибири между населеніемъ и представителемъ правительственной власти. Степной кочевой бытъ сибирскихъ инородцевъ не долженъ служить препятствіемъ къ замѣнѣ существующаго инородческаго управленія земскими учрежденіями, самостоятельными въ очерченномъ закономъ кругѣ дѣлъ. Архаическое родовое управленіе должно быть уничтожено, и нынѣ оно отправляетъ лишь функціи низшей полиціи исполнительной, нисколько не обслуживая инородческихъ интересовъ. *)

Д. Е.

---

*) Д. Лаппо: Степное земское положеніе Красн. 1907 г.